

КРОКОДИЛ

№25

1980

ISSN 0130-2671

XXVI

ПРЕДСЕЗДОВСКИЙ
КРОКОДИЛЬСКИЙ
КОНТРОЛЬ

*Медленно, с большим опозданием сдают строители
элеватор на станции Башмаково Пензенской об-
ласти.*

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

«НА ДЯДЮ»

Никто не знает, как выглядит этот дядя: большой он или от горшка два вершка, басовит или тонкоголос, прячется ли в строгий костюм или щеголяет в выцветших джинсах.

Никто никогда его не видел.

Но все о нем слышали.

Стоит только начать кому-то бесполезную работу, так тут же кто-нибудь и скажет:

— На кого работаете? На дядю?

«На дядю» — это символ, если хотите, беспочвенности, бесполезности, бестолковости.

Работать «на дядю» — это не получать никакого удовлетворения от работы и вообще не знать, ради кого и чего тратишь свои калории.

Каждый день, направляясь на работу, я прохожу мимо громадного, облицованного мрамором и гранитом здания, в котором вскоре разместится одно уважаемое учреждение, а пока идут кое-какие строительные работы: доделки, подчистки. Наводится блеск и порядок перед скорым вселением.

Собственно, здание давно уже сдано, но работа все еще кипит. И особенно старается бригада симпатичных мускулистых парней в выгоревших ковбойках.

Бригада обосновалась на роскошных гранитных ступенях, ведущих к главному входу. Приняв позы мыслителей, бригада монотонно тюкает молоточками, и на первый взгляд не поймешь, чем она занимается. Делать-то тут вроде бы и нечего: ступени сложены давным-давно, гранитные глыбы подогнаны ровно, на века.

И только внимательно приглядевшись к монотонным движениям этих бравых ребят, обнаруживаешь, что у всех у них кислые лица.

Потому что все они работают «на дядю». Потому что делают работу, которая никогда никем не планировалась и вообще не предусматрива-

лась и уж чего-чего, а творческого порыва, прилива энтузиазма вызвать не может, а скорее наоборот.

Квалифицированные каменотесы, по которым тоскует совсем другая работа, снимают молоточками строительную грязь с великолепных полированных ступеней.

Потому что прежде чем возвести многочисленные этажи, соорудили гранитное чудо и таскали по ступеням вверх цемент, гипс, известь, купорос и прочий сыпучий и липкий материал, который, падая и утрамбовываясь, превратил гранитное зеркало в неровный лунный ландшафт, и внешний вид центрального входа стал являть собой ту ложку дегтя, которая испортила славное дело строителей.

И закипела нудная, лишняя, ни уму, ни сердцу работа «на дядю».

Потому что не догадались сделать архипростое дело: покрыть в свое время ступени досками, фанерой, картоном, да чем угодно!

Я поинтересовался, кто же должен был защитить красоту и наткнулся на тайну, которую не раскрыли бы Шерлок Холмс и майор Пронин, вместе взятые. Все кивают друг на друга и ссылаются на текучку, в которой растворились следы ответственности. И еще упорно ссылаются на дырявую тару, которая, оказывается, всему виной, но, как предмет неодушевленный, дисциплинарному воздействию не поддается.

Стучат молоточки, летят во все стороны каменные брызги, но иногда и молоточки оказываются бессильными перед этим скоропалительным культурным слоем. И тогда берется кувалда, которая эффективнее... Правда, иногда вместе с бронебойным цементом отлетают и хрупкие уголки ступенек, но тогда идут в ход стальные зубила, и, обливаясь потом под августовскими лучами светила, парни выравнивают целые погонные метры трудно поддающегося усилиям камня.

Ложка дегтя крепчает и густеет, но «дядю» это не касается. Для «дяди» главное — работа, которой могло не быть. Впрочем, то, что ее могло и не быть, его тоже не интересует — ведь на то он и «дядя», на которого работают, пока он жив.

Двое крепких, похожих на борцов-тяжеловесов

мужчин, которых вы видите на снимке, тоже работают «на дядю». Потому что разгрузить сульфат аммония без применения лома и отбойного молотка, а также истинно мужской силы и выносливости невозможно.

Представляете такую картину: открывается вагон, а за дверцами каменная стена, в которой нет ни одного отверстия. Да и вообще, если разобратся, дверцы для такой тары ни к чему. И стоит получатель возле такого вагона, схватившись за голову и прикидывая мысленно, сколько государственных рублей улетит за мучительную разгрузку, за вековой простой.

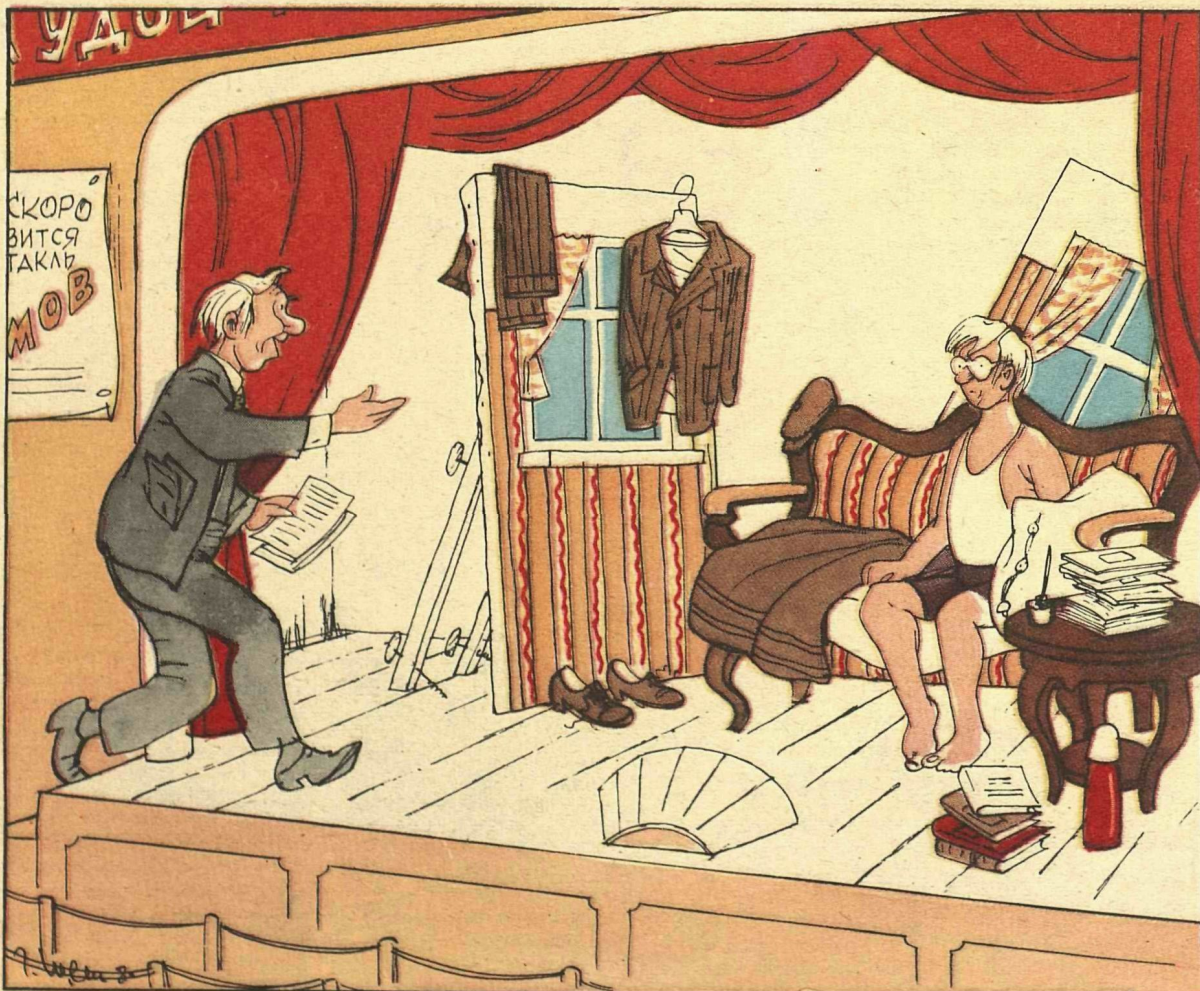
И приходят атлеты с отбойными молотками (слава сильным!), высверливают отверстие в монолите, усаживаются в это отверстие, неправдоподобно скорчившись, и в пыли, вредных испарениях, жаре приступают к работам, которые можно официально приравнять к «золушкиному труду».

Одно лишь утешает: на этот раз «дядя» материализовался. Он возник на Кемеровском коксохимзаводе и, когда из Ферганы и Намангана полетели жалобы, перевел мудрую телеграмму: «Слеживаемость является свойством всех кристаллических удобрений. Разгрузке требуется эффективное рыхление. Коксохимзавод. Денисов».

А пока руководители райсельхозхимии искали в словаре Даля слово «слеживаемость», подзревая, что оно имеет другой смысл, эквивалентный, например, «базальтовости», Кувинская база, что в Ферганской области, в лице двух богатейшей выгрузила монолит из вагона № 2312676 при помощи яростных отбойных молотков.

А вообще-то, честно сказать, история с телеграммой, процитировавшей азбучную истину из учебника химии, успокоила меня. Оказывается, подумал я, «дядя», на которого иногда работают, вовсе не безликий человек, и если хорошенько покопаться, то наверняка можно установить его рост, тембр голоса, фамилию и даже определить цвет ковра вышестоящей инстанции, на который «дядю» можно пригласить для более основательного знакомства со всеми вытекающими полезными последствиями.

Алексей ХОДАНОВ.

«Недавно в Ашхабаде был сдан в эксплуатацию многоквартирный дом Министерства культуры Туркменской ССР. Но ни одна квартира работникам местного ТЮЗа снова не досталась. Приходится актерам обитать где попало, а то и в помещениях театра».

Из письма А. Чарыева, г. Ашхабад.

— Ты все равно живешь здесь, на сцене: выручи, сыграй Обломова.

Рисунок Г. ИОРША.

В. МАРКИН

СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

— Для вас зрительного зала не существует, считайте портал сцены четвертой стеной, — приблизительно так учил актеров великий реформатор театра Станиславский. И добавлял: — Играйте с чувством полного сценического одиночества.

Но подчеркнем, что совет Константина Сергеевича относился к актерам, и только к ним.

Глупо было бы воспользоваться его рекомендациями, ну, скажем, грабителям, специалистам по очистке витрин ювелирных магазинов. Представьте: среди бела дня выходят уголовнички на витрину и давай набивать атташе-кейс перстнями, серьгами и колье, а с улицы на их преступные деяния глазает толпа. И не просто пассивно глазует, а разногласно возмущается; некоторые даже побежали за полицией.

Между тем грабители продолжают невозмутимо записывать в свою тару бриллианты и золото, серебро и турмалины, платину и бирюзу, словно орудуя не за прозрачным витринным стеклом, а за глухой кирпичной стенкой.

Ну, и чем все это может кончиться?

Тем же, чем кончится захват Израилем восточной части Иерусалима. Рано или поздно придется расставаться с награбленным и держать ответ.

А пока что израильский кнессет провозгласил Иерусалим «вечной, единственной и неделимой столицей» Израиля. На глазах всего международного сообщества, среди бела дня присвоил восточную арабскую часть города, демонстрируя изумительное чувство полного сценического одиночества.

112 стран проголосовали в ООН за уход оккупантов с арабских земель, в том

числе и из Иерусалима. За этими голосами — не менее трех миллиардов людей. А в кнессете 69 поднятых депутатских рук совместились в одну лапу, наложенную на восточный Иерусалим.

Что же получается? Получается, что несколько десятков человек чихают на три миллиарда, просто не замечают их, не слышат, словно бы и нет никакого международного общественного мнения.

Нехорошо получается. Странно. Дико.

Вообще типичный буржуазный парламентарий, как правило, мало похож на непорочную деву. Он грешен многими грехами — и взятки берет, и кривит душой, когда подыгрывает богатому классу. А иной раз, покачиваясь во хмелю национализма, худо видит историческую перспективу. И, надо сказать, что по градусу опьянения собственным расизмом кнессет не уступит большинству германского рейхстага 1933 года, расчленившего дорожку Гитлеру.

Рейхсканцлер Адольф Гитлер тоже верещал об исторических правах на чужое добро, он тоже огнем и мечом пытался реализовать свои мифические права. Но обещанный им тысячелетний рейх просуществовал всего лишь двенадцать лет, после чего фюрер высшей расы испытал сосущее чувство полного исторического одиночества и убрался с мировой сцены в тартарары. Весьма поучительный пример...

Иерусалим — город музейных религиозных святынь. Атеисты, верующие в науку и здравый смысл, пройдут мимо его храмов и мечетей, снисходительно улыбаясь раннему детству человеческого миропознания. Но сердцам верующих в бога Иерусалим дорог

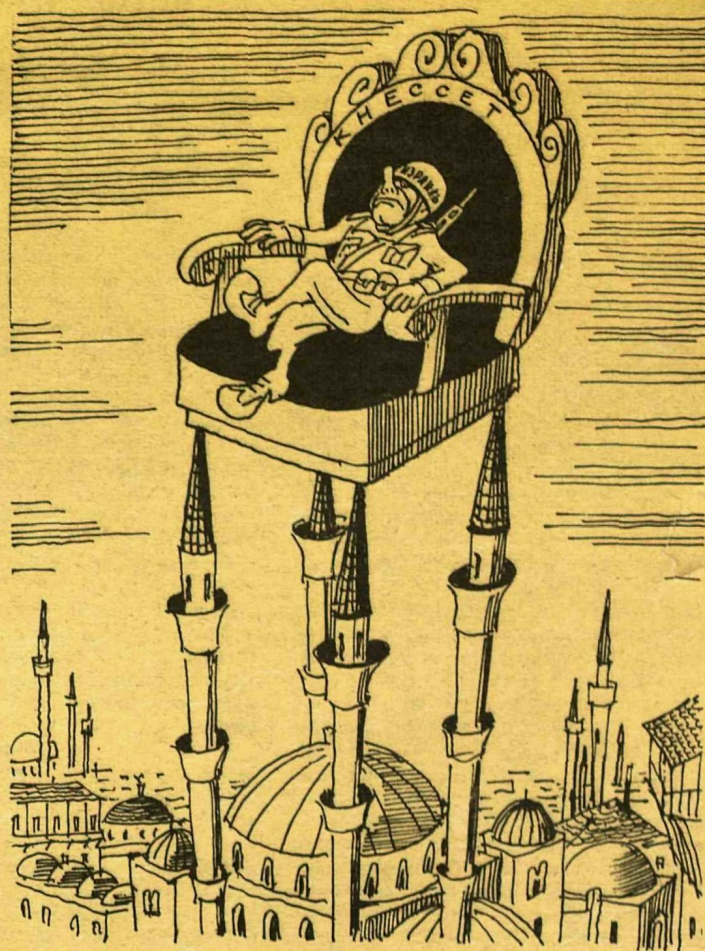
как столица трех религий. Один экскурсовод покажет гостю христианский храм святого Гроба господня и укажет плиту, на которую было положено тело Христа для помазания миром. Другой гид с тою же торжественной серьезностью проводит пришельца к мечети Омара, а затем на скалу, откуда вознесся к небу Магомет. При этом будет обращено внимание на такой интересный инструмент, как весы для взвешивания душ. Поводыр же иудейского вероисповедания прямым ходом поведет туриста к обломкам стены храма Соломона — к «стене плача», осведомившись предварительно, захватил ли гость запасной носовой платок.

Иерусалим окружен возвышенностями с красочными названиями — тут вам и гора Вознесения, и гора Соблазна, и гора Искушения. На двух последних, наверное, постояли, глядя вниз на город, премьер-министр Бегин и депутатка кнессета Коген, автор законопроекта о «вечной единственной и неделимой столице».

— Если нельзя, но очень хочется, — начала депутатка Коген, стоя на вершине Соблазна.

— Значит, можно, — санкционировал Бегин с вершины Искушения и дал сигнал бульдозеристам и солдатам.

Захватывая арабские земли, сионисты предъявляют библию. Но можно ли верить такому «ордеру на чужую квартиру»? Проверим, открыв библию на первом попавшемся месте. Читаем: «Мафусаил жил сто семьдесят семь лет и родил Ламеха. По рождении Ламеха Мафусаил жил семьсот семьдесят два года и родил сынов и дочерей. Всех же дней Мафу-

ОБОСНОВАЛСЯ...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

саила было девяносто шестьдесят девять лет, и он умер».

И-да, сомнительно... Но будь даже у сионистов не библия, а подлинный исторический документ, удостоверяющий, что тысячи лет назад городом владели сыны израильтяны, то и такой клочок пергамента не означал бы права на нынешнее владение. Ибо, представьте себе, как бы выглядела политическая карта мира, если б народы, словно на кинолентке, пущенной в обратную сторону, стали пятиться на позиции двухтысячелетней давности! При чем первыми запричитали бы сами сионисты, ибо на месте Пентагона стоял бы вигвам Гайаваты и к небу вился бы дымок от трубы мира. К тому же на территории Америки не осталось бы ни одной сионистской организации, заставляющей американские правительства регулярно отваливать Израилю миллиардные вспомоществования!

И вот тут, наверное, пора вернуться к вопросу о чувстве полного сценического одиночества и чуточку этот

вопрос пересмотреть. Нет у Бегина такого чувства. Он знает, что не один — за кулисами прячется дядя Сэм, режиссер и постановщик, и поощрительно шепчет: «Давай, давай!» Но ведь и весь мир видит закулисного сообщника и в равной мере шлет ему свое гневное порицание.

...Легендарный Иерусалим тридцать три раза переходил из рук в руки, в огне и обломках доставаясь новым завоевателям. Теперь город переживает тридцать четвертое нашествие. Чего только не повидал многопечальный Иерусалим на своем трижды Мафусаиловом веку!

— НО ТАКОГО НАХАЛЬСТВА ОН ЕЩЕ НЕ ВИДЫВАЛ!

А. НЕЧАЕВ

В ПОРЯДКЕ ПРОФИЛАКТИКИ

Могли бы вы себе представить драку в космосе? Нет, не космическую войну, которую изобрели американские фантасты и киношники и которой все больше бредят стратеги из Пентагона, а самую обычную пошлую драку с синяками и шишками и, возможно, даже с выбитыми зубами?

А вот американские руководители программы по созданию космического челночного корабля «Шаттл», например, такую потасовку и рукоприкладство в кабине космолана представляют себе совершенно отчетливо. И приняли профилактические меры.

Очевидно, их пугает тот факт, что преступность в современной Америке достигла таких поистине астрономических размеров, что не на шутку грозит выйти на околоземную орбиту. А чтобы она туда не вышла, они ввели новые правила, которые разрешают командиру «Шаттла» производить аресты и даже применять физическую силу для поддержания порядка в полете. И нака-

зание космическим хулиганам грозит приличное: штраф в пять тысяч долларов или год тюремного заключения, а то — и то и другое.

Меры, прямо скажем, внушительные.

— ТОЛЬКО БУДЕТ ЛИ ИХ ДОСТАТОЧНО К МОМЕНТУ ЗАПУСКА «ШАТТЛА», УЧИТЫВАЯ КОСМИЧЕСКУЮ СКОРОСТЬ РОСТА ПРЕСТУПНОСТИ?

НЕОТРАЖЕННАЯ МЕЧТА

— Рули вправо! — отчасти злобно закричал тот из нас, кто не умел водить машину. — Не видишь, куда едешь?..

По просьбе одного из автопредприятий мы перегоняли автомобиль-фургон ЕрАЗ-762, выпускаемый Ереванским автозаводом, из солнечной Армении в не менее солнечную Абхазию.

Настроение у нас было если и не приподнятое, то, во всяком случае, вполне деловое. Судите сами: добровольная смена журналистской профессии удачно сочеталась с практически полезным мероприятием. Нажимая на педали и рычаги, мы мысленно уже живописали будущий репортаж.

Увы, сказать или написать, что мы с помпой выезжали из заводских ворот в новеньком, ладном ЕрАЗе, значило бы допустить сразу же несколько фактических погрешностей. Во-первых, мы не могли покинуть территорию Ереванского автозавода уже три дня. Одни сутки ушли на подкручивание абсолютно всех гаек. Когда же эта иссушающая душу и тело работа была кончена, мы подались в сторонку — взглянуть на плоды своего труда. Он оказался сизифовым.

— Не кажется ли тебе, — сказал соавтор-водитель, — что экипаж как-то странно осел на все четыре точки?

— Да, да, — подхватил технически менее подкованный соавтор, литературно развивая это простейшее наблюдение. — Наш ЕрАЗ стал как бы гепардом, припавшим к земле перед броском.

— Если бы! — трезво возразил соавтор, профессиональный автомобилист. — Просто давление в шинах катастрофически понижено.

После поднятия давления машина вдруг вздыбилась, напоминая уже не хищного представителя кошачьих, но старую, добрую цирковую лошадь.

Минут через двадцать автомобилист, отряхиваясь, как пловец, вылез из-под машины и сообщил, что дело всего-навсего в слабых кронштейнах задних рессор.

— Как ты думаешь, — спросил технически грамотного коллегу автомобильный дилетант, — завтра уедем?

Задумчиво походя вокруг ЕрАЗа, профессионал сообщил, что если в первой половине дня удастся починить соединительный патрубок, то уедем.

К нам подошел неизвестный; даже сквозь обильные пятна машинного масла на лице его читалось сострадание.

— Ни в жизнь! — внес корректив сочувственный незнакомец. — У вас же радиатор текет.

— Не текет, а течет, — раздраженно поправил непрофессионал.

— Нет, именно текет! — заупрямился сострадаец. — Течет, это когда интеллигентно каплет, кап-кап, а у вас хлещет...

На всякий случай незнакомец представился. Он тоже был получателем ЕрАЗа, тов. В. Булатовым из Тулы. Туляк сказал, что уже неделю не может укрепить бензобак. Кроме того, обнаружили неполадки в тормозной системе, а равно дефекты шаровых опор.

Мы молчали, подавленные обилием технических неполадок и ощущением безысходности, фатума.

— Кстати, о судьбе, — завистливо информировал В. Булатов. — Моему соратнику из Донецка Володину удалось отехать от заводской территории на целых пять километров! Правда, на шестом разрушилась коробка скоростей и машину волоком доставили обратно на завод. Но выехал же...

На третьи сутки, когда мы, невыспавшиеся, обозленные до крайности и опаленные немилосердным солнцем, все-таки выезжали из заводского периметра, и произошло ужасное. Именно в этот момент соавтор-дилетант озлобленно крикнул напарнику, чтобы он выкрутил вправо.

— Но руль не крутится! — панически отвечал напарник.

Наше авто с ракетной скоростью дуло не в ворота, а в массивную заводскую стену. И занесли уже мы, каюсь, длани, дабы свершить два крестных знамения, как экипаж столь же загадочно остановился. Трясаясь противной кроличьей дрожью и утирая лбы, мы вылезли. К нам присоединились среднеазиатские получатели фургонов тт. Бабакулов и братья Низовы. Они объяснили, что в принципе это пустяки. Ереванским фургоном вообще свойственно самоторможение. И как только они, наши товарищи по несчастью, справятся со своими машинами, то сейчас же придут нам на помощь... Наши же горизонты, как чисто творческие, так и практические, все больше затягивались вроде бы почти беспросветным

мраком. Как быть с грядущим репортажем? Ведь от простого перечисления всех ереванских дефектов даже у терпеливого средневекового переписчика псалтырей упали бы руки...

На пятые сутки мы-таки вырвались из заводских пределов. Но только мы легкомысленно сделали, так сказать, ручкой индустриальному силуэту, как тут же послышался омерзительный скрип. Скрипело все: дверцы, швы кузова и, казалось, даже сам кузов. Затем днище кузова просто-напросто вывалилось, и мы, коснувшись земли ногами, остановили экипаж. Отряхнув дорожный прах с одежды, мы двинулись в заводской комитет народного контроля.

Нас встретили там с неподдельным энтузиазмом.

— Давно пора! — озабоченно сказали народные контролеры. — Как следует дать по мозгам нашим смежникам! Это все они виноваты. Из-за недопоставки двигателей Ульяновским моторным заводом наше предприятие третий месяц не выполняет государственные планы. Судите сами: за один месяц к нам поступила всего одна восьмая часть предусмотренных по графику двигателей. И вообще эти моторы ужасно низкого качества...

— Ага, — догадались мы, — это адресовано товарищу А. В. Болотову, генеральному директору «АвтоУАЗа»?

— Ну да! — подтвердили прожектористы. — Но и продукция, допустим, Арзамасского завода автозапчастей не лучше. Узлы, изготовленные их заводом, никуда не годятся!

Жила-была речка...

Жила-была речка, тихая, спокойная, золотистый песок мягко устилал ее дно. Весело резвились в ее струях ребятишки из ближних деревень.

Да и много ли надо простой русской речке! Были бы ласковое солнце да милый ветерок в зарослях ивы по берегам!

Ну, а теперь? Теперь наша речка, некогда голубоглазая, стала мутной и нехорошей на вид. Плывут по реке длинные, лохматые клоchy, ложатся

на дно вязким и ни к чему не пригодным илом. Деревенские ребятишки если и подойдут к речке, так затем лишь, чтобы бросить в досаде на рябью ее поверхность камень.

Речка эта — Ардымка, течет она мимо многих сел и деревень, таких, как Старая Каменка, Колупановка, Ленино, Калинино... Впадает она в реку Пензу и вместе с водами реки Суры несет свою грязь мимо города Пензы в Волгу.

А губители речки — руководители Старо-Каменского спиртзавода. За-

вод этот выпускает спирт, а также барду для поросят, все же остальное спускает в речку Ардымку, минуя очистные сооружения и пренебрегая всеми постановлениями и запретами.

Много ли надо нашей маленькой речушке? Были бы ласковое солнце да ласковый директор спиртзавода. Даже, пожалуй, заботливый директор ей еще нужнее.

Г. АЙКАШЕВ.

Пензенская область.

Могло быть хуже

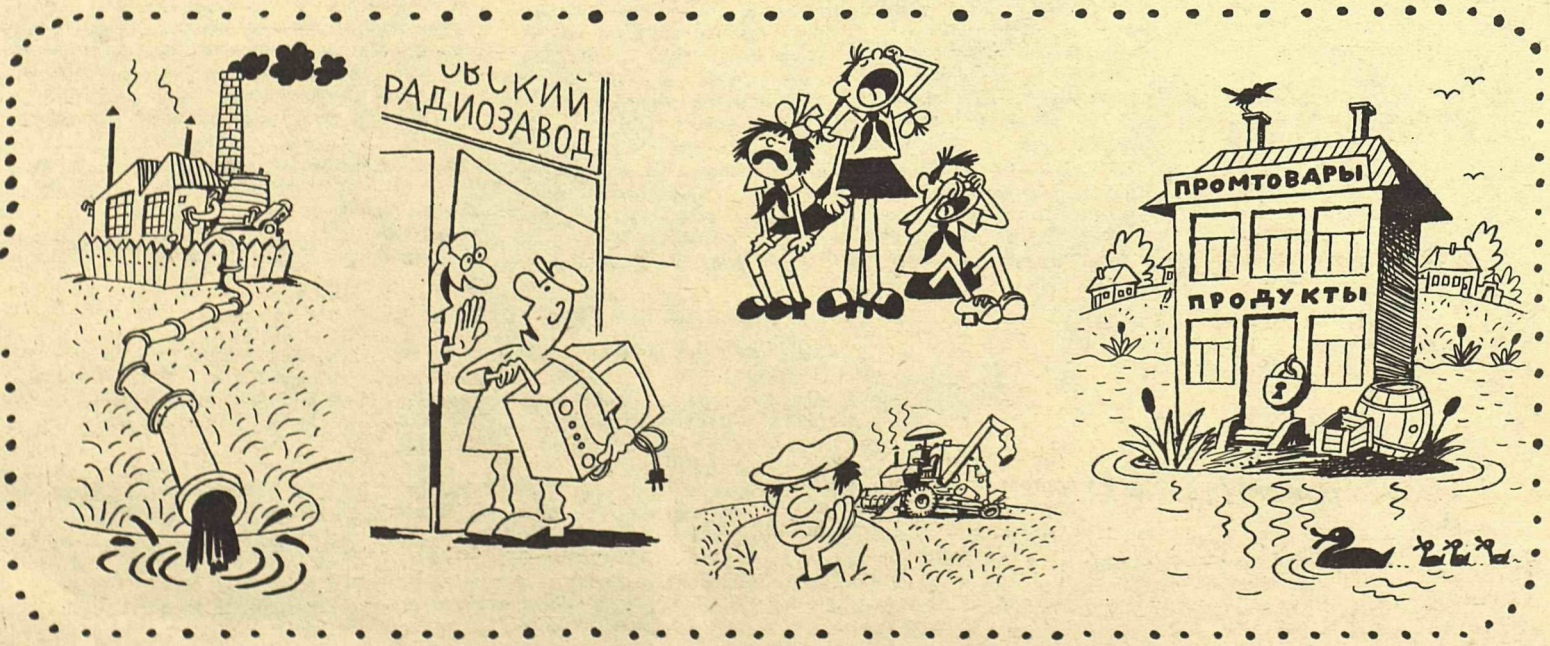
Непростой был покупатель тов. Дерябин из Днепропетровска, ох непростой!

— Куплю я, положим, цветной телевизор, — рассуждал Дерябин, наученный горьким опытом общения с ненавязчивым сервисом, — а он, поди, назавтра и ломается. Пойдут бесконечные обращения и письма в далекие города, где изготовили этот телевизор, с просьбой о ремонте. Нет уж, возьму-ка я телевизор родного

ВИЛЫ

В БОК!

Третий год обещает директор Лета-вин исправить положение, но до сих пор мы не можем укомплектовать свои машины доброкачественными узлами...

Яркий свет воссиял на территории завода. Исходил он, вероятно, от нимбов, появившихся над головами страстотерпцев Ереванского автозавода. Ведь некачественную продукцию поставляют ереванцам другие смежные предприятия. Среди них — белебеевский «Автономаль», который снабжает Ереван скверными заклепками, Куйбышевский завод авто-тракторного электрооборудования, посылающий ереванским партнерам негодные штекерные наконечники...

Нимбы тружеников ЕРАЗа сияли все интенсивнее. В пору было впрячься самим в останки нашего ЕРАЗа и бурлацки пойти таким именно образом до Белебея или аж в Куйбышев... Но мы вовремя задушили в себе эту сомнительную идею. Что же уж только на смежников-то пенять? Ведь не они же собирают, монтируют, обивают и красят, не они отаратительно завинчивают гайки, повреждают фургонные бока...

И тогда мы отправились в отдел технического контроля. Чтобы задать один-единственный вопрос: как же это вы ставите штамп ОТК на продукции Ереванского автомобильного?

— Ну, а что вы от нас хотите? — с тихим трагизмом, в свою очередь, спросил нас начальник отдела тов. В. М. Выходец. — Слабость и неопытность кадров... Текучка... Отсутствие нужного контроля в цехах... Сам ОТК не полностью укомплектован квалифицированными людьми. Да ведь у меня в отделе на шестьдесят три человека всего одиннадцать с высшим образованием...

* * *

По-армянски слово «кераз» значит «мечта». Возможно, при закладке за- вода мечтали производить автомоби- ли отличного качества. Но какая-то реализовалась мечта неподтянутая, неподвиженная, неотрихтованная...

Днепропетровского радиозавода, это будет и патриотично к тому же!

И точно, приобрел мудрый тов. Дерябин цветной «Янтарь-714» местного производства.

— Какая-нибудь пустяковая деталь сломается, — говорил Дерябин домашним, — а завод под боком, мигом выручит!

И как в воду глядел он — испортилась вскорости какая-то трудновы- вариваемая деталь и пропало цвет- ное изображение. Даже возликовал почти Дерябин и внутренне похвалил себя за предусмотрительность, да только жизнь оказалась хитрее и ко- варнее.

Лишь спустя три месяца «Бытрадио- техника», отвечавшая за гарантийный ремонт, торжественно сообщила Дерябину, что поставили его наконец в очередь на замену испорченной де- тали.

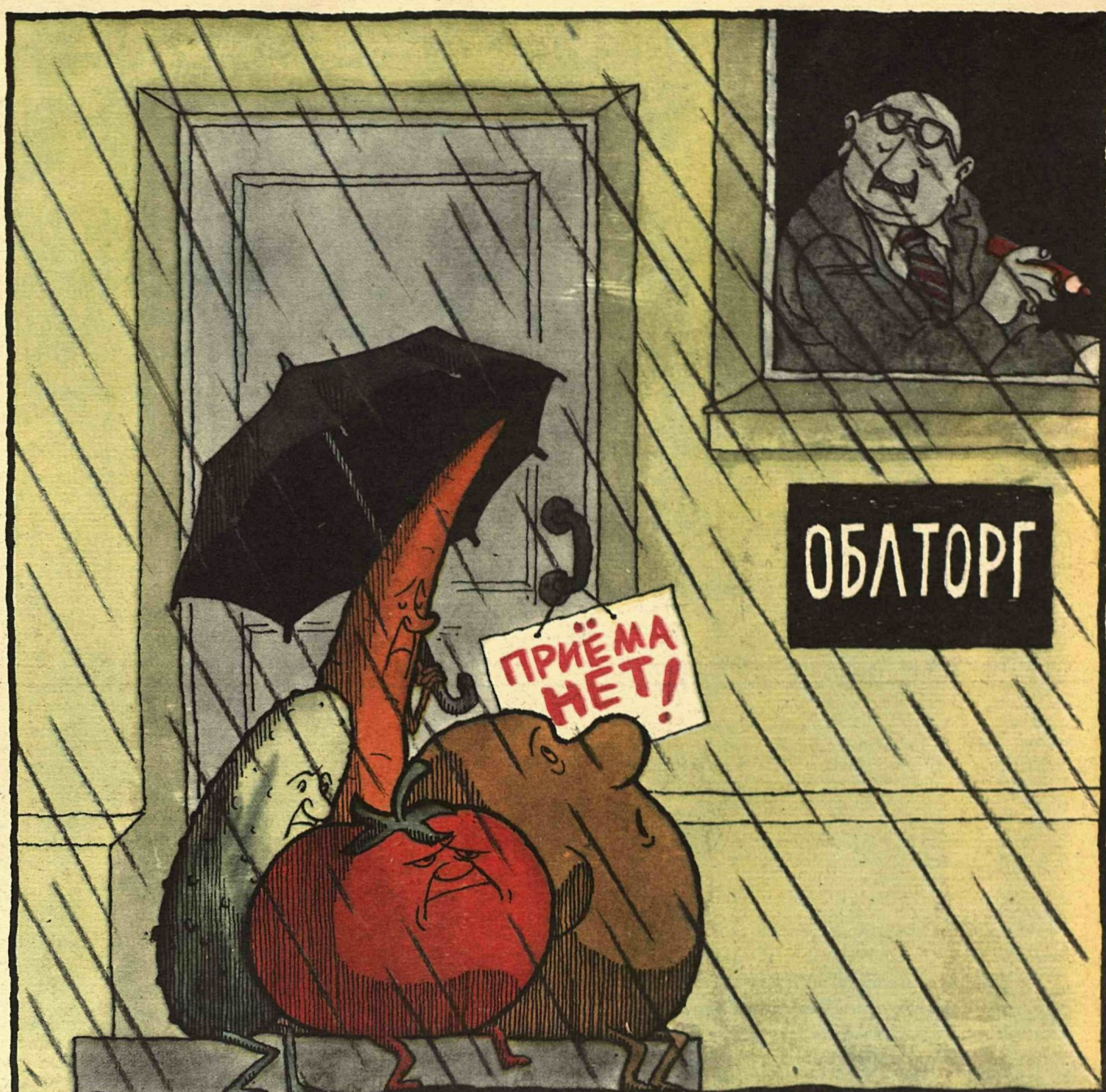
Так и стоит по сей день в той оче- реди покупатель Дерябин, несмотря на теснейшее соседство завода-изго- товителя.

Одно утешает: свяжись он с теле- визором иногороднего выпуска, бы- ло бы гораздо хуже. Хотя и так — хуже некуда!

С. ПЕСТОВ.

Гори, гори ясно...

«Взвейтесь кострами, синие но- чи...» — звонко поют черноглазые та- шкентские школьники на празднике, по- священном окончанию хлопкоубороч- ной страды в Узбекистане, где они

У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА.

Рисунок Е. ГУРОВА.

хорошо потрудились, помогая важ- ному государственному делу.

А на бумажной фабрике города Ры- бинска Ярославской области пригова- ривают, глядя на языки пламени, охватившие кипы хлопка, которые из-за неправильного хранения поразил грибок: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло!..» И горит, горит синим пламенем рядом с фабричными скла- дами труд узбекских хлопкоробов, а также рабочих Пскентского хлопко- завода Ташкентской области. Превра- щается в пепел труд железнодорож- ников, перевозивших этот хлопок. И вместе с дымом от хлопковых ко- стров улечувываются мечты тех самых школьников, помогавших убирать хлопок, мечты о новых интересных книгах, красочных альбомах с репро- дукциями и многим другим, для чего нужна бумага высшего качества, по- лучаемая из хлопкового сырья.

Т. СЕГЕДА.

Штрих к портрету

Давайте мысленно нарисуем типовой портрет колхозного комбайнера. Лицо открытое, обветренное, взгляд орлиный, ослепительная улыбка, гаечный ключ в кармане комбинезона.

Увы! Портрет комбайнера Черкасова из села Октябрьское, Ленинского рай- она, Хабаровского края, никак не вя-

жется с общепринятым оптимистическим обликом. Лицо унылое, взгляд с подо- зрительным прищуром, губы сердито поджаты. И вместо того, чтобы горде- ливо плыть на своем стальном корабле среди бескрайних пшеничных просторов, колхозник Черкасов вот уже три с по- ловиной месяца обивает пороги «Сель- хозтехники».

— Когда же наконец починят мотор с моего комбайна? — вопрошает он, нервно теребя в руках копейку. — Ведь уже сенокос кончается! А вы, кроме мотора, и задний мост еще не отре- монтировали! — негодует механизатор, еще больше отдаляясь от типового пор- трета.

— Зато в прошлом году мы вам ком- байн отремонтировали быстро, за один день. И даже надпись красивую сдела- ли, — припоминают в «Сельхозтехнике».

— А машина сразу же забарахлила... — Тем более не надо торопиться с ремонтом! — резюмируют ремонтных дел мастера, приобретая на ходу раз- нительное сходство с портретами воло- китчиков.

И. СКОРОБОГАТОВА.

На необитаемом острове

Когда в селе Пустатина, где живут рабочие совхоза «Кораблинский», по-

строили магазин, сельские тружени- ки, прямо скажем, обрадовались. Де- ло в том, что магазин был не только новый, но и на два отделения: «Про- дукты» и «Промтовары». Хочешь сель- ские ивасы купить или часы «Элек- троника» — все под боком. Не надо в Рязань за товаром ехать.

Но радоваться жителям Пустатина пришлось недолго. Дело в том, что к новому магазину забыли подвести дорожку. И вот магазин стоит, а по- пасть в него невозможно. Потому что весь он окружен водой, как не- обитаемый остров. Скоро год ведут между собой принципиальный и го- рячий спор директор совхоза тов. Дунаев и заведующая кораблин- ским райпотребсоюзом тов. Алексе- ва. Директор — упрямый мужчина, но и заведующая — настойчивая женщи- на. Так они и не могут договориться, кто из них выгрузит несколько ма- шин щепенки возле нового магазина.

«Дорогой Крокодил! — пишут ра- бочие совхоза «Кораблинский». — Очень тебя просим охладить эти го- рячие головы. Пусть лучше сообща возьмутся за дело, и спору конец!»

Этим бесхитрым призывом хо- чется и закончить нашу заметку.

С. ВЛАДИМИРОВ.

ТРИ РАССКАЗА

С. КОМИССАРЕНКО

ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Автобус следовал по маршруту. Вдруг машина резко затормозила, водитель высунулся из окна и прокричал:

— Салют!

— А, Вася, здравствуй! — раздалось в ответ.

По тротуару параллельно маршруту, но в противоположную сторону шла девушка.

— Хорошая погода, — сказал водитель и, приглушив мотор, добавил: — Встретимся сегодня, Светка? Достану два шикарных билета на концерт!

— Не могу сегодня, — девушка пошла своей дорогой.

— То есть как не можешь? То есть как? — автобус чуть отъехал назад, и мы опять ее увидели. — Ну, а завтра?

Девушка, не оглядываясь, шла дальше.

— И завтра не может, — прокомментировал кто-то с передней площадки. — Между прочим, хорошенькая.

— А когда ж она может? — как бы про себя, но во всеуслышание спросил водитель, и мы тут же поехали за ответом.

Сделав искусный разворот, автобус почти преградил ей дорогу.

— Ну, чего увязался? — девушка свернула в переулок.

— Остановись, Светка! — несколько раз крикнул водитель.

А она ноль внимания на его слова, только каблучками по пешеходным дорожкам постукивает... И никак не подъедешь к ней!

Кто-то с задней площадки просунулся вперед и тоже стал кричать:

— Мне на совещание, гражданка! Ради всего святого, прошу вас, не задерживайте транспорт!

— Попробуйте в цирк ее пригласить, товарищ водитель! — послышался совет. — Я мог бы помочь с билетами, только скажите, на какое число...

Хором запросили у Светланы. Водитель выключил мотор. Но она лишь качнула головой и — шмыг налево. Мы кинулись было следом, но, оказывается, не разрешен тут левый поворот.

— Вот не везет в жизни! — в сердцах произнес водитель. — Но я так просто не отстану...

Мы поехали в объезд.

— А может, она не любит цирк? — предположила задняя площадка. — Тогда надо ее в драмтеатр пригласить, знаете, какие там спектакли!

Стали обсуждать репертуар драматического театра. Но тут вмешалась середина автобуса:

— Не обсуждать сейчас надо, а незамедлительно скинуться для водителя! Общепринятый дорожный знак внимания. А то нас этот Вася черт знает куда завезет...

— Если уж скидываться, так, безусловно, для Светы! — настаивает передняя площадка. — На коробку шоколадных конфет.

К счастью, тут же нашлась коробка: какой-то мужчина достал ее из портфеля и протянул вперед.

— Передайте, пожалуйста, за проезд, — говорит. — Очень спешу!

Но Света даже не взглянула на конфеты... Вот характер!

— Бросьте ее, Василий! — стали советовать. — Смотрите, сколько красавиц вокруг! Прямо переполненный автобус. Ну, кто желает пойти с водителем в театр?

Почти уговорили девушку на выходе (очень спешит на поезд и на всё согласна!), но выяс-

нилось, что Вася про другую и слышать не хочет... Тоже фрукт!

— Я только одну ее люблю, — сообщил в микрофон. — Светлану, — и добавил уже без звучания: — Как Ромео Джульетту из общеизвестной трагедии... — потом снова взял в руки микрофон: — За ней готов следовать куда угодно!

И мы опять куда-то поехали...

— Сколько можно! — раздалось с передней площадки.

— Когда наконец по маршруту поедет? — зашумели в середине. — Прямо действительно трагедия!

— Надо коллективную жалобу на водителя накатать! — сказала девушка на выходе.

Кто знает, чем бы все кончилось, но тут поднялся на возвышение один из пассажиров.

— Что мы, не люди с вами, товарищи? — взволнованно говорит. — Неужели ж будем мешать им, как Монтеки и Капулетти?

И, видно, под впечатлением от общеизвестной трагедии быстренько пересели в другой автобус... Но все равно рассказывали потом об этой поездке:

— Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Василии и Свете...

Святослав СПАССКИЙ

ШТУКА

Барсуков снял очки, в которых он смотрел телевизор, надел другие — очки для общения с окружающими и двинулся в коридор.

Барсукова с незнакомым мужчиной в сапогах, мерно дыша, втаскивали с лестничной площадки какою-то штукой, замотанную в хлорвинил. Штука была громоздкая, со странными выступами, как будто специально сделанными для того, чтобы цепляться ими за дверные косяки.

— Помог бы, Барсуков, — сказала Барсукова, — для всех же стараюсь, не для себя одной.

Барсуков охотно взял за штуку.

— Да ничего, теперь-то осилим, — радостно выдохнул незнакомый в сапогах. — Теперь дома. Втроем они вдвинули штуку в коридор. В сапогах устало выпрямился, ладонью вытер пот с верхней губы и радостно выдохнул:

— Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны!

— Да, да, разумеется, — сказала деловито Барсукова. — Вот?

Она вопросительно протянула незнакомому в сапогах трешку, на что тот выдохнул «нормально» и взял ее.

За процессом убывтия трешки из семейного бюджета Барсуков следил пристально и неодобрительно, а в сапогах радостно выдохнул:

— Ну, пока, хозяева. Вы ее только у батареи рядом не ставьте — враз засбоит.

Барсуков снял очки для общения, надел телевизорные и двинулся из коридора.

— Что же ты, — сказала Барсукова, снимая пальто, — распаковал бы. Или уж тебе все безразлично!

Барсуков снял телевизорные очки, надел очки для общения и принялся освобождать штуку от хлорвинила. Барсукова счастливо улыбалась перед зеркалом. Двумя пальцами она выпрямляла крайнюю ресницу на левом верхнем веке, помнящую при транспортировке штуки.

— Ведь как повезло, — сказала она, — ведь уж мимо совсем прошла, потом — нет, думаю, дай зайду в универмаг, мало ли. А там их только-только выбросили. Народ сбегаться стал, а я сообразила: сразу на боковую лесенку, по ней на второй этаж и уже оттуда обратно в зал. Пока там в дверях толклись, я и подоспела. Ты представляешь, на мне уже и кончились, мне последняя досталась. Которая за мной гражданка стояла, зарыдала просто. Стоит откровенно и рыдает. Потом в меня вцепилась: может, говорит, уступи-те? Мне, говорит, вот так необходимо, я к мужу во Владивосток переезжаю. Чудачка!

Барсукова сложила хлорвиниловую оболочку в восемь раз и любовно провела пальцем по гладкой поверхности штуки.

— Чудачка, — повторила она, тряхнув сиреневыми кудрями, — во Владивосток она переезжает! Вы, говорю, к мужу во Владивосток переезжаете, а я с мужем здесь остаюсь. Так здесь эта штука во сто раз нужнее. Она говорит: зато здесь больше шансов ее достать. А тут про-

давщица услышала: нет, говорит, следующий за-воз дай бог во втором квартале будущего года, не раньше. Позже может, а уж не раньше. Ну та, как услышала, отвязалась. С тем и потопала в свой Владивосток.

— Хорошо, — сказал Барсуков, меняя очки для общения на телевизорные.

Из боковой изолированной комнаты вышел зять Максин.

— Добрый вечер, — сказал он, позевывая. — Это что за штука?

— Это — штука! — со значением сказала Барсукова. — Это, Володя, я вам скажу, такая штука! Это фугас!

— Что значит фугас? — мирно осведомился зять Максин.

— В прямом смысле! — сказала Барсукова. — В смысле взрыва.

Барсуков закурил сигарету и двинулся к телевизору. Зять Максин осмотрел штуку со всех сторон, но с приличной дистанцией.

— И когда же этот взрыв состоится? — спросил он.

— Да хоть когда! — с вызовом сказала Барсукова. — Хоть сейчас! Вот отдышусь малость, перекушу чего-нибудь. С утра во рту крошки не было. Чайку бы.

— Сейчас поставлю, — сказал зять Максин и в раздумье ушел на кухню. Возвратившись, он сказал:

— Насчет фугаса. Вы объясните, пожалуйста. Тут же не Италия, мы не мафиози. Я, например, не люблю взрывы.

— В том-то и дело, — сказала Барсукова. — Не Италия, а Зоя Никитина в итальянских сапожках форсит. А у Татьяны Моисеевны столики на колесах — из Гамбурга, что ли. А Петровы люстру чешскую отгрохали. А такой штуки-то и нету ни у кого. Это не то что фугас — это термоядер будет! Вот только чаю выпью и сяду, обзвоню их.

— Ну, слава богу, — сказал зять Максин. — Все-таки, значит, в переносном смысле взрыв-то. Это ладно. Теперь — что же это за штука все-таки? Объясните, пока чайник греется.

— Интересная вещь, Володя, — сказала Барсукова с большой иронией, — кто из нас двоих мужчина, я или вы?

— Риторический вопрос, я полагаю, — скромно сказал зять Максин.

— Я эту штуку волоком волокла из магазина до дому — хорошо, это не в счет, — сейчас все женщины волокут. Но здесь-то вы можете взять инициативу в свои руки? У вас все-таки техническое образование.

— Как? — изумился зять Максин. — А вы покупали не знали что? И не спросили даже?

— Там спросишь, — сказала Барсукова. — Там были такие, которые сначала спрашивали. Так вот, пока они спрашивали, уже им и не досталось.

— Ну, вы бы потом спросили, когда купили.

— Что ж, уж совсем себя душой-то перед людьми показывать?

— История! — сказал зять Максин и засмеялся. — И инструкции никакой не приложено!

— На заграничных вещах инструкции может и не быть, — сказала Барсукова. — И что вы все сметесь, Володя? Веселый вы уж больно. Сами разберитесь лучше, чем веселиться-то по-пустому.

Вот — простой мужчина, в сапогах, даже помогал мне на этаж втащить, так и тот подсказал: у батареи не ставить. А у вас все-таки техническое образование.

— Что же я гадать буду? — сказал зять Максин. — Позвонить в магазин и узнать.

— Вам хочется дураком выглядеть — звоните, а я не буду.

— Ну хоть как она называется?

— Да не знаю я! — крикнула Барсукова. — Ну, что привязались! Что вам, легче будет, если узнаете, что она называется джиббер? или миббер? или квиббер?

— А почем она?

— Сорок восемь девяносто, — сказала Барсукова.

— Это ничего, это, я считаю, дешево, — сказал Барсуков. Он кончил смотреть телевизор и теперь вышел в коридор, меняя телевизорные очки на очки для общения. — Как, чайку погоняем? А Иришка задерживается?

— Удивительные люди! — воскликнул в волнении зять Максин. — Купили что-то, а что — не знают! И знать не хотят. Так зачем покупали-то?

— Ох уж! — возразила Барсукова, подбоченясь по-старинному. — А сами-то? В прошлом году вон кольца кожаные для салфеток купили. Ну? Для чего? Где у вас салфетки? И где теперь эти кольца?

— Это Ирка, — хмуро сказал зять Максин, но тут же воодушевился, — ага, так ведь понятно —

кольца. Для салфеток. А тут? Что это? Где ее включать? Ни вилки, ни розетки — ничего нету.

Барсуков снял очки для общения, надел очки для близи и осмотрел штуку.

— Да, вот щели только какие-то, — подтвердил он, — а штепселя нету.

— Любой прибор должен включаться, поймите, — сказал зять Максин. — Либо как-то заводиться, ключом, что ли.

— Уж и любой? — сказала Барсукова. — А барометр?

— Погодите, вот тут бирочка приклепана, — сказал Барсуков. — Написано: «МПУЗ. Брест».

— Хо! — сказал зять Максин. — Вот так заграница!

— Ну и что — не заграница? — сказала Барсукова. — Я вовсе не против наших изделий. У нас кое-что тоже дай бог выпускают. Тоже умеют.

— Брест и во Франции есть, — сказал Барсуков. — В Бретани.

— Да вот, кстати, — сказала Барсукова.

— Не понял, — прищурился зять Максин, — так во Франции или в Британии?

— Не в Британии, а в Бретани. Полуостров Бретань.

— Теперь понял, — с сарказмом сказал зять Максин. — А пишут там по-русски.

Заскрежетал ключ входной двери, и вошла Максина, дочь Барсуковых.

— Привет, — сказала Максина. — Что это вы все тут? Ой, какая прелесть! Это кто, мамочка, это ты, конечно, достала?

— Они достанут! — гордо сказала Барсукова. — Правда, замечательная?

— Ну, что ты, умереть? И цвет такой приятный, серенький. Благородный очень.

— Там еще терракотовые были, но мне не досталось, — сказала Барсукова.

— Да ну, терракотовые! Терракотовые — это претенциозно. А серые — то, что надо, очень благородно.

— Ну, я рада, что тебе понравилось, — сказала Барсукова. — А то вот Володя твой все чем-то недоволен, придирается все.

— Я придираюсь! — с выражением сказал зять Максин. — Я придираюсь! Мне, видите ли, хочется узнать, для чего эта штука предназначена. И это называется, я придираюсь! Ну, Ирка, тебе вот она понравилась, скажи вот, что она? Зачем?

— Красивая же, чего тебе еще? — сказала Максина. — Вы чай еще не пили? Пойдемте тогда, я вафли свежие на углу купила.

— Вот это правильно, насчет чаю, — откликнулся Барсуков. Сняв очки для близи, он надел очки для общения с окружающими и первым двинулся на кухню.

Александр ХОРТ

Эвкалипт

Однажды сотрудник ботанического сада Муравский пришел в жэк.

— Объясните мне, почему наш двор постоянно залит водой? — спросил он водопроводчика Кривошеева.

— Трубу прорвало, — вздохнул тот.

— Так поставьте насос. Иначе во дворе захлебнуться можно.

— Поставили. Только у него шланг прорвало.

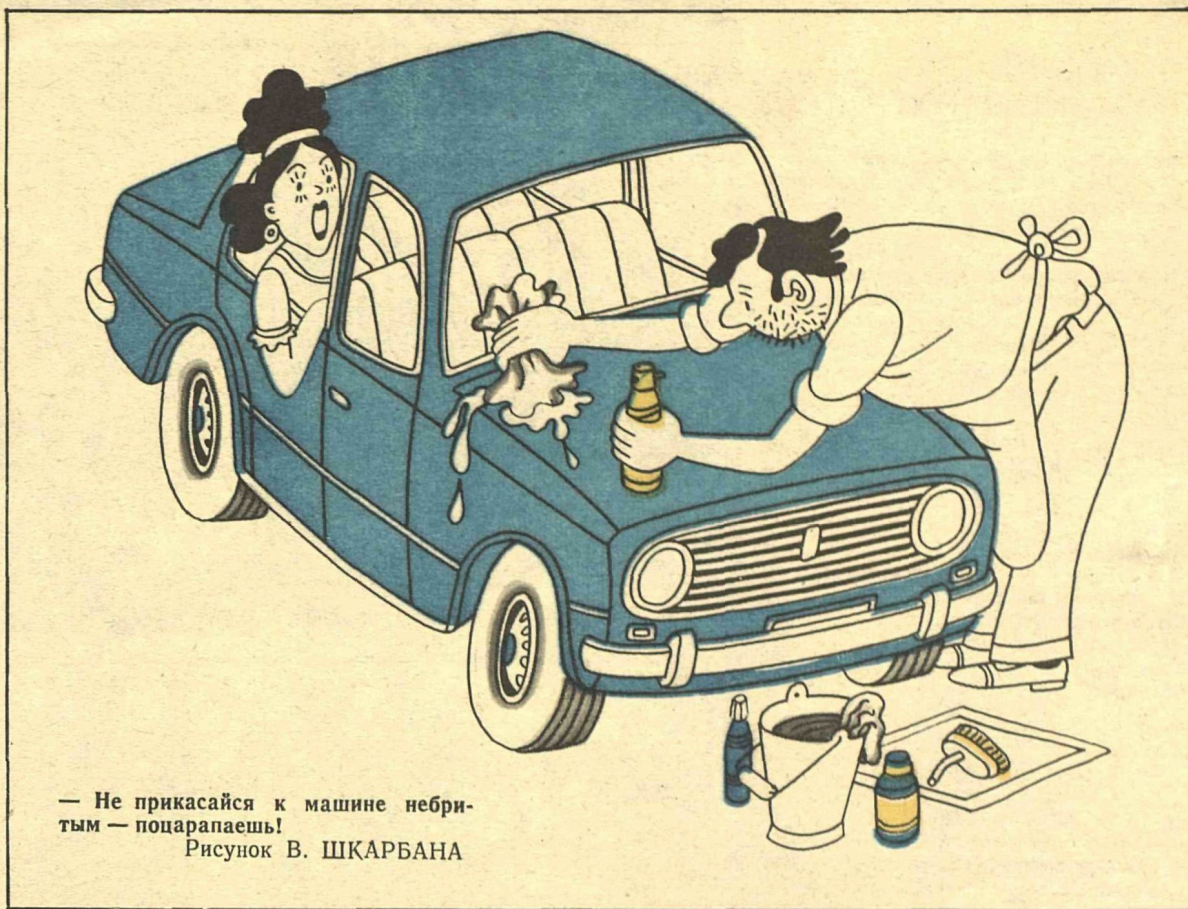
— Как вы работаете?! То у вас трубу прорвало, то шланг! — возмутился Муравский. — Если не можете справиться с техникой, обратитесь за помощью к природе. Не удивляйтесь. Я предлагаю следующее: в нашем ботаническом саду растут эвкалипты. Это деревья с мощной корневой системой, им требуется очень много влаги. Если посадить один эвкалипт в нашем дворе, там всегда будет сухо. Недаром же эвкалипт называют деревом-насосом!

На следующий день из ботанического сада привезли большой эвкалипт, который посадили в центре двора. Вскоре земля вокруг него начала подсыхать. Жильцы по-детски простоудно радовались дереву. Однако через неделю Муравский проснулся от плеска волн и, выйдя на балкон, увидел, что весь двор снова залит водой.

Он позвонил в жэк и спросил Кривошеева:

— Почему во дворе столько воды?

— Эвкалипт прорвало, — вздохнул тот.

— Не прикасайся к машине небритым — поцарапаешь!

Рисунок В. ШКАРБАНА

МИМОХОДОМ

Вадим ЛУЦЕНКО

И вся разница...

Людей

по множеству примет,

По разным признакам мы делим:

Один блондин, другой брюнет,

Тот худощав, а этот в теле,

Тот холостой, а тот женатый,

Кто вежлив, кто-то грубоват...

Но на два основных разряда

Я разделил бы всех подряд

В предельно объективном стиле:

Одним всегда «вы правы!» — говорят,

Другим — лишь: «Да-а, вы правы

были...»

Человек изобрел зеркало, чтобы иметь возможность всегда видеть рядом с собой друга.

Иной стремится съесть с вами пуд соли только для того, чтобы вам насолить.

Как много времени нужно для того, чтобы успеть ничего не сделать.

Е. ТАРАСОВ,

Московская область.

Имел свою точку зрения в кругозоре начальника.

В. ЧИПУРИН, п. Липовцы
Приморского края.

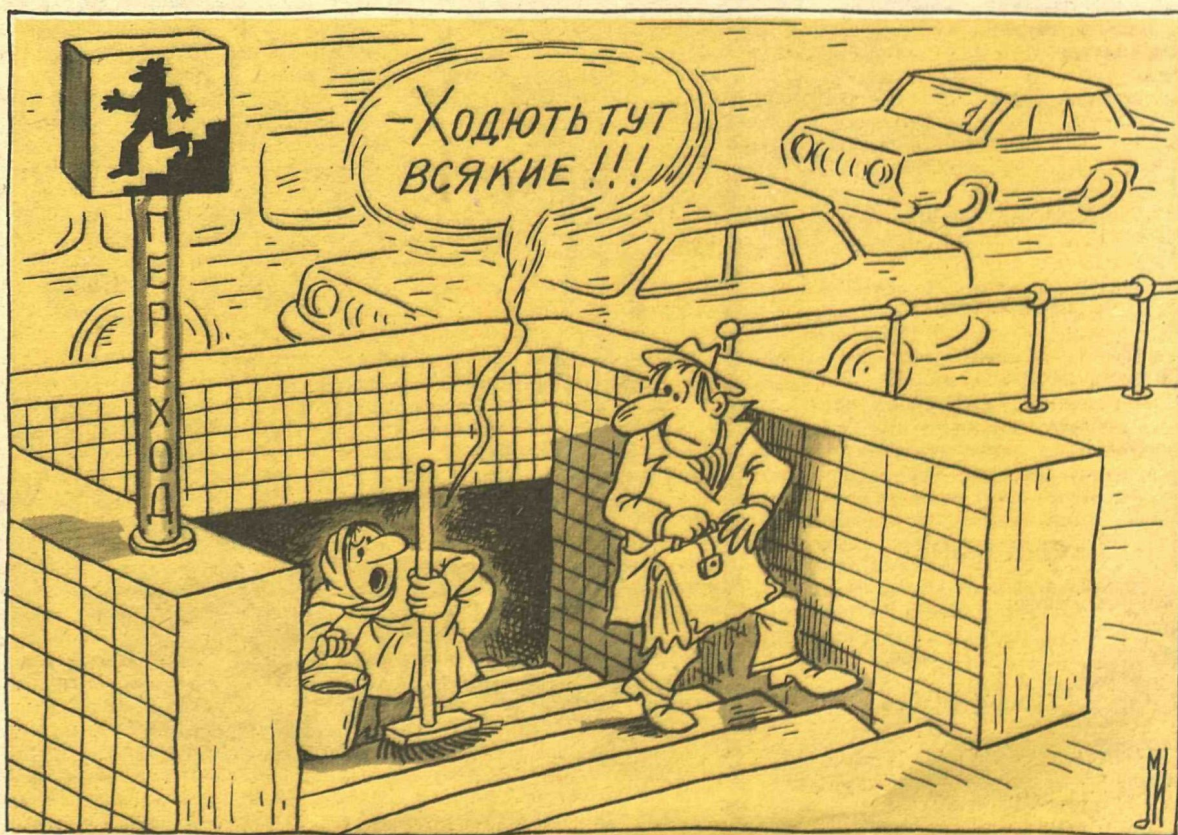

Рисунок Е. МИЛУТКИ

Уссурийскому тигру

Известно, как о прогрессивном сдвиге,
 Что ты уже прописан в Красной книге.
 О зверь, абorigine мой уссурийской,
 Живи, не зная никакой прописки!

Шакал - агрессор

Хан!
 Цап-царап! — звереет от старанья.
 А суть сего шакальства не нова:
 Он на такие акции заранее

Заполучает
 Санкции
 У Льва.

Добряк-бобер

Он был добер,
 Пригрел Змею.
 С тех пор
 Бобер,
 Увы... в раю.

В защиту свиней

Твердят, упреков не тая,
 Мол, во-от
 напился, как Свинья!..
 А всем известна правда сущая,
 Что свиньи — существа непьющие.

Критиканам-лихачам

Пишет,
 Развивается писатель —
 Не его
 разгромами спасайте.
 Целесообразней
 Так спасать
 Тех,
 кто разучается
 писать.

Пингвин-лектор

Все мысли
 под крылом,
 И в силу этого, увы,
 Он выступает по
 бумажке,
 Не утруждая
 Головы.

Скороговорка

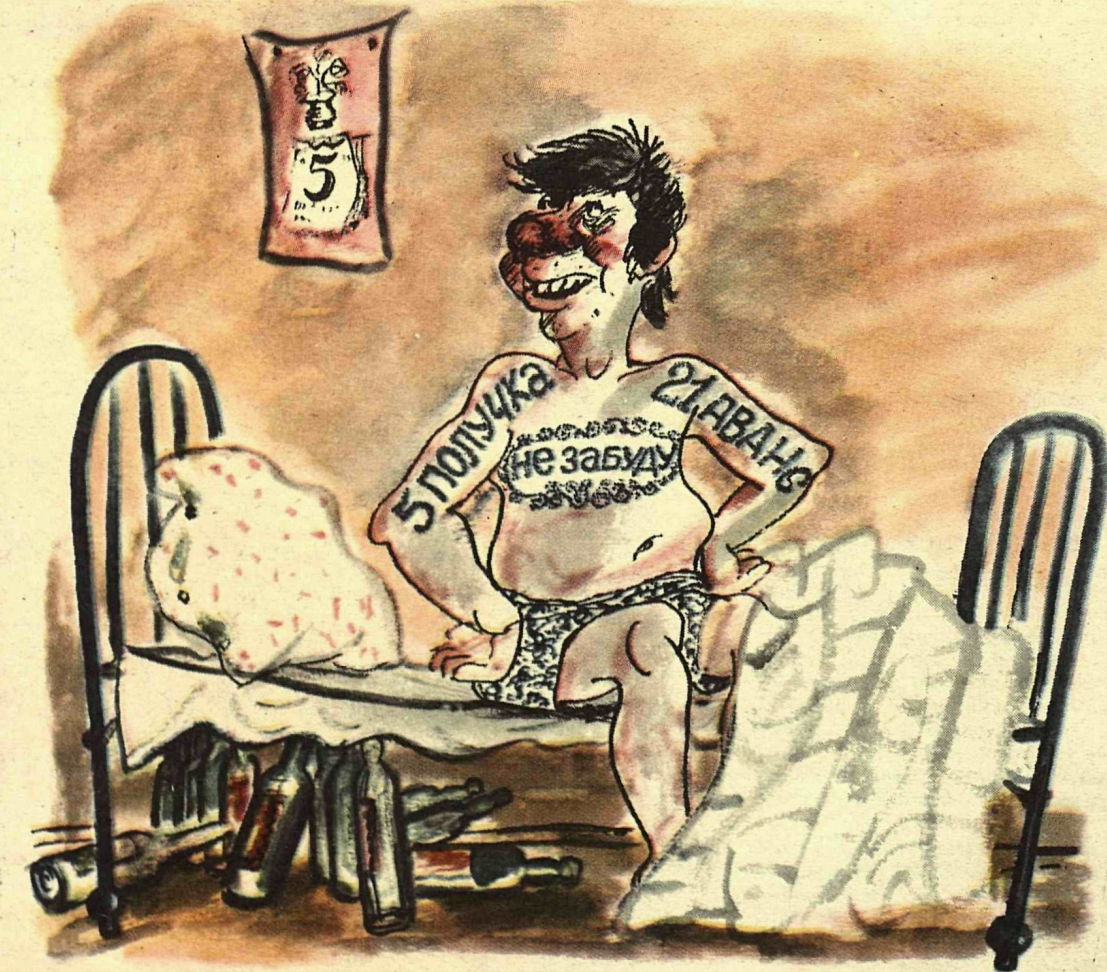
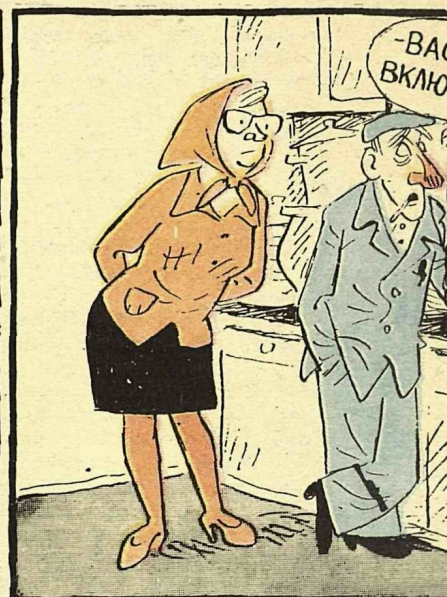
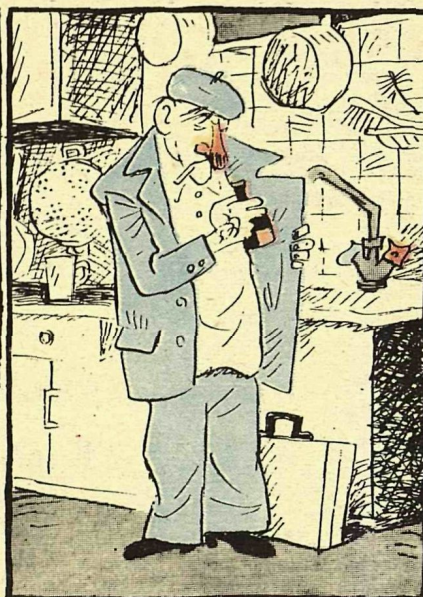
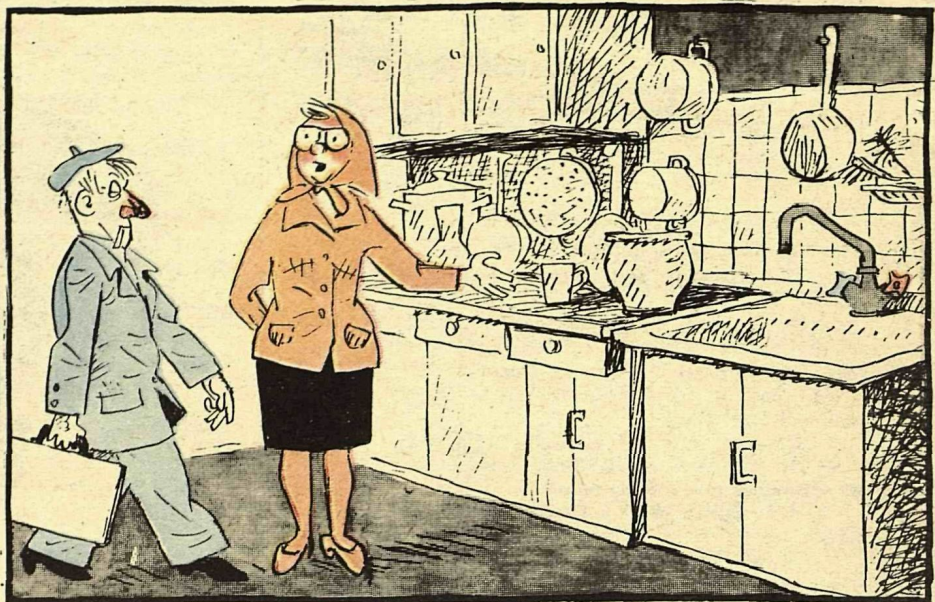
Затвердил Балда
 Балде —
 Что,
 когда,
 Зачем
 и где.
 А в итоге —
 Ох,
 беда:
 Забалдил
 Балду
 Балда!

ПОД УГЛОМ 40°

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

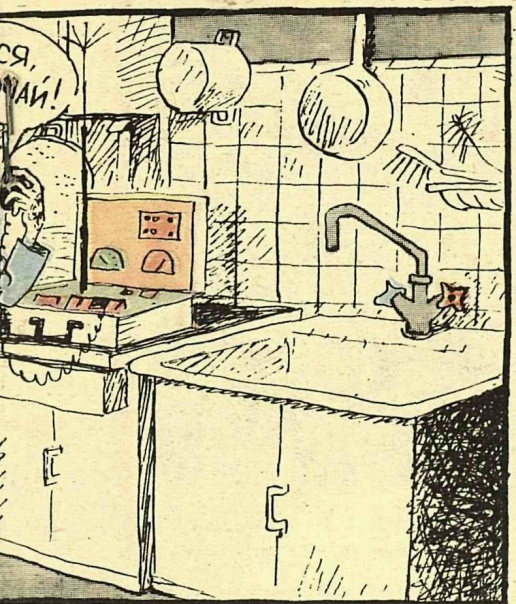
— Сегодня пойду на работу!

Рисунок Б. САВКОВА

(Из меню чебуречной).
 Прислала
 Р. Акифиева,
 г. Ставрополь.

ДОРО

В Новочеркасске в
 четырех сторон света
 Давайте выберем
 ем проехать в этот
 род, допустим, с запа
 Широкое шоссе, об
 ленью роши с одне
 строгими линиями
 района — с другой, о
 вет на вас элегичес
 поводу огромного ра
 ного строительства.
 После этого неплю
 виться, осмыслить ув
 кусить. А вот и кафе
 Тормозим, заходим в
 к кассиру.
 — Первое, пожалу
 — Нету. Вы, что, ч
 те? — Кассирша с
 тыкает папиросный ли

НАПИТКИ

Коньяк с коньяком
Кофе с молоком
Чай

ТИ КОТОРЫЕ ВЫБИРАЮТ НАС

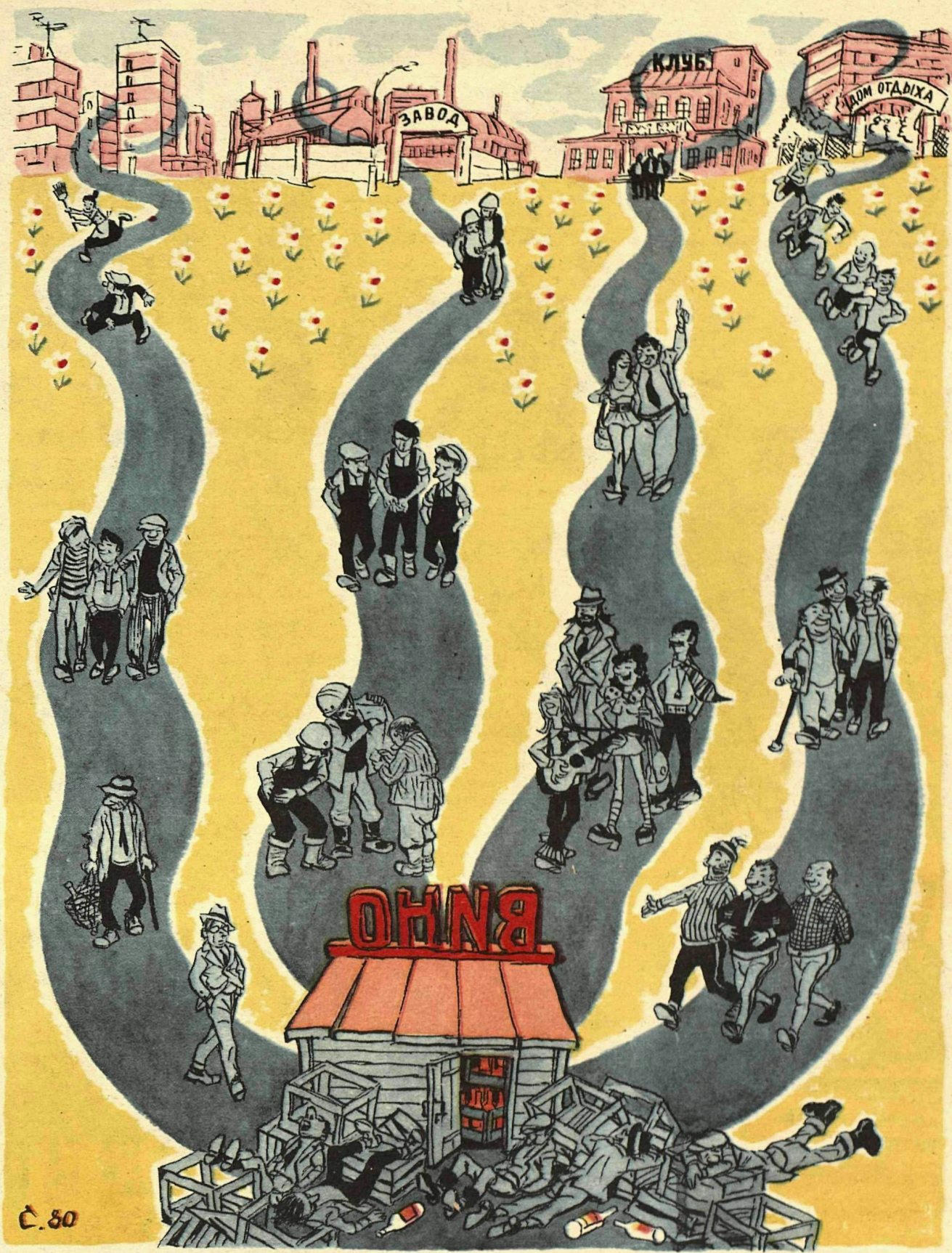
едут дороги с
одну. Попробу-
старинный го-
да.
Орамленное зей-
ой стороны и
нового микро-
бязательно на-
кие мысли по
змаха жилищ-
ко бы остано-
денное, пере-
«Молодость».
кафе и сразу
иста.
итать не умеет
раздражением
исток с невнят-

ной надписью «Меню». Действительно, небольшой перечень блюд тщательно вымаран.
— А что есть?
— Салаты,— указывает работник питания на витринку, в которой скучно зеленеют тарелки с усохшими дольками маринованных помидоров, для романтичности украшенные мойвой.
Зато рядом, у буфетной стойки, торговля гораздо оживленнее. Слышны бодрые, веселые голоса:
— Разливное есть?
— Есть.
— А коньяк?
— Всех звездочек.
И страждущие мгновенно получают свои стаканы— сколько в пьющую душу влезет.
...Что ж, давайте теперь въедем

в город с юга, по старой ростовской дороге.
Еще до рассвета у кафе «Колос», что за центральным рынком, начинает собираться серый люд, ласково прозванный в народе алкашами.
Удивительное дело: все буфетчицы этого кафе вроде бы сибирячки. Во всяком случае, одиннадцать часов у них наступает где-то по иркутскому времени. Поэтому в новочеркасском «Колосе» пьют уже с раннего утра.
Если ассортимент буфета вас не удовлетворяет, можно свободно купить бутылку в любом из открывающихся спозаранку ларьков на рынке или в учебно-показательном магазине «Комсомольский». Такса жесткая: вино— 1 руб. 50 коп. за бутылку, водка— 5 руб. Документов

предъявлять не надо. Доверие и еще раз доверие. По вашему лицу и так все видно.
...Попробуем пройти в город с востока, от железнодорожного вокзала. Тут вам не удастся миновать пивной бар, что на площади Ермака, у самого подножия величественного собора.
Но, войдя сюда, даже самый яркий атеист перекрестится в душе. В этом забытом и богом и санинспекцией заведении сумрачно. Почему? Кто знает. Может, от темного и вечно грязного пола. Грязные кружки из-за отсутствия воды в водопроводе споласкивают в ведре.
...Последняя дорога ведет в город с севера. Невдалеке от триумфальной арки вы увидите кафе «Кавказ». Зайдите и порадитесь.

Здесь нет икающих от избытка чувств и выпитого вина. И первое и второе вам подадут с пылу-жару и пожелают приятного аппетита. И никто не будет упорно протирать стол перед вами, если вы засидитесь. А если люди тут и выпивают, то почему-то умеренно. Такая обстановка.
Значит, можно? Можно продавать вино и не делать из заведений «гадюшников»? Значит, все-таки есть надежда?
Д. ГОРБУНОВ,
г. Новочеркасск
Ростовской области.

ЩУПАЛЬЦА СПРУТА

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ПОД УГЛОМ 40°

Международное изобозрение

США и их союзники по НАТО продолжают поставки ракетостроительному режиму ЮАР различных видов оружия.

АМЕРИКАНСКИЙ
РАКЕТОНОСИТЕЛЬ

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

М. ВЛАДИМОВ

Из путевого блокнота

НА КОЛЕНЯХ

Боттичелли и Рембрандт!
Встречи близится мгновенье...
Но у входа в римский храм
Странное столпотворенье!
Вернисаж — этаж второй,
А на мраморных ступенях —
Люди. Двигутся толпой
На коленях, на коленях!
Сняв ботинки и чулки,
В фанатичном исступленьи,
Дети, дамы, старики —
На коленях, на коленях.
По преданию кровь Христа

Есть на этих вот ступенях,
Потому-то вход сюда
На коленях, на коленях.
...Боттичелли и Рембрандт!
В восхищенном удивленьи
Я готов за ваш талант
Встать пред вами на колени.
Но прошу меня простить:
Эту встречу мы отменим, —
Не обучен я ходить
На коленях, на коленях!

Рим.

Гусанос, то есть черви, — так прозвал кубинский народ контрреволюционеров и уголовников, бежавших с Кубы в США, где их подбирает ЦРУ.

«ЧЕРВИ» КОЗЫРИ

Рисунок Е. МИЛУТКИ

Сокращая расходы на социальные нужды, Вашингтон наращивает ассигнования на гонку вооружений.

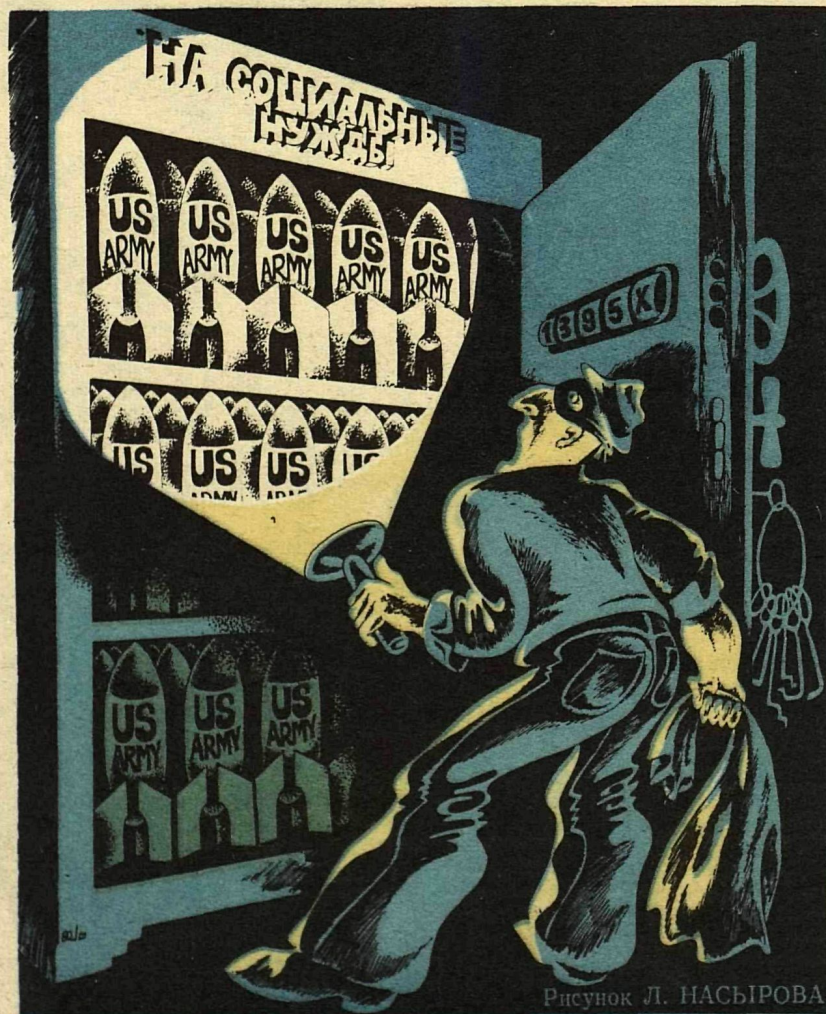

Рисунок Л. НАСЫПОВА

ОРАНЖЕВОЕ НЕБО, лазурная ЛАПША

Некоторые не бывали в казахстанском районном центре Мерке — так не худо бы побывать. Бесподобен, в частности, архитектурный облик районного центра. И торговля и обслуживание населения там налажены так, что ни один еще междугородный автобус, сделавший остановку в Мерке, не отправился дальше вовремя: так трудно скликать пассажиров, в момент разбежавшихся по торговым точкам идеального населенного пункта.

Конечно, не одна районная, областная и даже республиканская организации хотели бы сделать шаг вперед и сказать:

— Этот солнечный Мерке знаменит потому, что я, трудолюбивая и вдумчивая организация, сделала его таковым.

И покусились бы на этот шаг многие организации, но надо отметить еще тот факт, что прогрессивно возросшая совестливость организаций в Мерке уже более, чем где-либо, пересиливает тщеславие организаций. Отчего при всей заманчивости записать на себя заслуги все организации сперва говорят:

— Да, естественно, к облику и стандарту жизни в Мерке мы приложили руку, но львиная доля заслуг в этом деле принадлежит райпотребсоюзу. Вот где главные радители и новаторы, вот кто творец процветания нашего населенного пункта. Вдуматься — вроде бы какая в нем сила, в райпотребсоюзе? Но в пайщики у него вовлечен весь район, и прямые торговые контакты держит райпотребсоюз с ФРГ и Японией, да только ли с ними!

Все правда.

И собралось правление в своем конференц-зале, на повестке дня вопросов так двадцать. Ну, налаженное дело — закупки у населения мяса- и птицепродуктов, здесь почти не возникло и прений. Некоторые прения разрослись по вопросу архитектуры: какой дальше держаться линии?

А перейдя к следующему вопросу, сказал следующий докладчик:

— Нам пора, товарищи, всемерно расширить контакты. Почему бы нам не наладить партнерство с Астраханской макаронной фабрикой?

Вскоре и пришли в Мерке макароны. Но, вскрыв первый же ящик, рабочий Султанов так от него отшатнулся, что повредил позвоночник в шейном отделе. Тогда в ящики, схватив носы бельевыми прищепками, заглянули товароведы. И немедля заспорили, каков цвет полученных макаронных изделий. Тогда как с цветом было все ясно, и, окажись здесь академик художеств, он враз бы сказал, что цвет этот сродни парижской зелени и берлинской лазури.

— Таким товаром в Мерке, — заключило правление, — сроду не торговали. Надо связаться с Астраханью!

Связались. Астраханский директор Доронин сказал: «Неужели? Мы горим от стыда! Мы стыдимся, и высылайте макароны обратно. Как-нибудь мы загладим вину перед вами».

Так отправились в Астрахань гнилые продукты, а Мерке попросил вернуть деньги назад. Сперва молчание было ответом честным меркенцам. А спустя несколько месяцев вежливый, но железный отказ.

И ничего не получили меркенцы, потому что прогресс многолик. В чем, мы спросим, совершенствовались простосердечные меркенцы денно и ночью? В окультурировании торговли, в преобразении лица района, в борьбе за качество любой производимой районной продукции. А за этим за всем совершенно упустили из виду рост правовых знаний в своих рядах, изошрение в административных финтах и уловках.

В противовес меркенцам как раз другие умения изошряет в себе дальновидный хозяйственник. И преуспел во многом.

Да, исстари была в тысячах организаций должность юриконсульта-правовика: затрапезная, никчемная, нафталиновая личность, без отдельного кабинета, а просто помещенный в вигвам из сводок и диаграмм, сколоченный в темном углу коридора, возле общественного туалета.

Но вертикальный взлет претерпела эта профессия при дальновидном хозяйственнике! В небытие отправлена нафталиновая личность, освобожден от фанерных сводок и диаграмм проход к туалету, и уже в кабинете, обшитом ценной древесиной имбуя, во вращающемся кресле из кож и нержавеющей стали сидит цепкая и мозговитая личность. В кармане ее приталенного пиджака — диплом кандидата экономических наук, и это лев по всем зримым ухваткам, но не про-

сто, не обыденный лев, а лев с привитым ему интеллектом слона, собаки и лошади сразу — умнейших живых существ.

И непреоборима организация с таким юриконсультом. Некараемо может она выпускать любую заваль, труху и туфту. Из всякой казусной переделки выручит организацию титан-юриконсульт.

— Ибо, — говорит он, — каждую проблему можно рассматривать под множеством разных углов, а углы зрения создаем мы сами.

Поэтому изящно, культурно пригласила фабрика к лазоревой вермишели местного торгинспектора. И коллективно заключили при этом, что цвет вермишели высшего сорта от общепринятого далек, но сказать, что это вовсе уж парижская зелень или берлинская лазурь, было бы перегибом, и речь может идти разве что о пригороднопарижской зелени и предместноберлинской лазури. И, кстати, не развились ли эти цвета на вермишели за время ее пересылки в Астрахань из Мерке? За это фабрика отвечать не желает. А что касается «деньги назад», так не будет возврата денег, потому что астраханский госарбитраж поддержал земляков-макаронщиков, отказав в иске Мерке «ввиду пропуска без уважительных причин срока исковой давности».

И пишут нам обведенные вокруг пальца меркенцы: уважаемая редакция! Море книг выходит в наших издательствах. Но нету одной, необходимой широчайшим слоям хозяйственников. Нету свода уловок, финтов и уверток, за счет которых хозяйственник отрицательный облапошивается, метастазируют, разветвляются. Хотя так хорошо бы знать в деловых контактах, на какой крючок следует не клевать, на какую удочку не ловиться!

И первой заповедью этой книги меркенцы просят ввести такую:

«Никогда не клуй на вежливое и немедленное признание ошибок противной стороной. Ибо за этим скрыты увертки:

1. Вы отправляете изготовителю брак, но по железной дороге груз всегда идет столько, что срок арбитражных претензий всегда успеет истечь. Это дьявольский, но точный расчет бракодела.

2. Или же изготовитель, получив обратно зеленую вермишель, при ловкачах-юриконсультах дело представит так, что на склад поступил не собственный брак, а «поставлена бракованная продукция». То есть как бы чья-то продукция, не собственная. Таким образом изготовитель присваивает и деньги за товар и товар».

Полезная вышла бы книга!

А куда нету такой, у меркенцев заведен обиход, в сложившихся условиях ценный: о продукции тех, с кем заводись контакт, суди по их юриконсульту. Если там экономист-кандидат — не к добру.

«Мысковская птицефабрика с 5 мая начинает массовую продажу суточных цыплят. Отсортированные петушки, среди которых 10 процентов курочек, продаются по цене 5 копеек за одну голову, а несортированные — по цене 25 копеек за голову».

Газета «Знамя шахтера», г. Междуреченск.

«Хранить в горизонтальном прохладном месте».

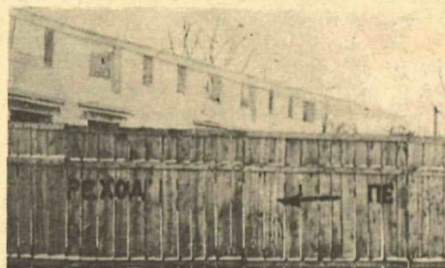
(С этикетки минеральной воды «Бадамлы» № 4).
Прислал Н. Зелепунин, г. Бану.

Прислал А. Патранов, Кировская область.

ПОЗДРАВЛЯЕМ 507 ЛЕТИЕМ ЖЕЛАЕМ
СЧАСТЬЯ ЗДОРОВЬЯ ДОЛГИХ ЛЕТ
ЦЕЛУЕМ=НЕЧЕПУРЕНКО БОКОВЫ-

(Телеграмма).
Прислала А. Трифонова, г. Якутск.

Прислал С. Лаврентьев, г. Фастов.

«Именно потому, что название ансамбля «Пловцы», в их репертуаре много песен о воде и, конечно, о любви». (Из радиопередачи).
Прислала О. Комарова, г. Москва.

«В отношении моей внешности он говорит, что с объекта ПМК-21 кто-то позвонил и сказал: «Что за феклу ты ко мне прислал?» Я уверена, что никто этого по моему адресу не мог сказать. Я веду себя на объектах вежливо, как положено».

Юрий Павлович сам придумал это слово «фекла», чтобы окончательно меня унижить и убить морально. И он своего добился, я уже ровно неделю не могу смотреть на себя в зеркало, чтобы не подумать, что я фекла».

(Из объяснительной записки пом. санврача).
Прислала З. Бабицкая, Ставропольский край.

«А любители шахмат скрестили шпатулу за шахматной доской».

Газета «Советская Колыма», п. Зырянка Якутской АССР.

«Возвращаясь с двумя чирками в рюкзаке, я думал, что недалеко то время, когда все поймут, что не может быть земля счастливой без веселого птичьего гама».

Газета «Брянский рабочий».

Ласло МАЙЛАТ (Венгрия)

Тайны любви

Во время утреннего ритуального кофепития начальник отдела Кром как бы невзначай заметил, что у них с женой есть билеты в театр, но не на кого оставить детей.

— Не волнуйтесь,— сказал Фюлеп Лайошка, его заместитель.— Нам с женой все равно вечером делать нечего. Вчера еще думали, чем бы заняться. Вот мы и посидим с вашими крошками.

— А это не в тягость вам будет? — Господь с вами! Это удовольствие, за которое мы с женой будем вам только благодарны. И к тому же признаюсь вам: я вас просто люблю. Как человека, товарища, коллегу.

В пятницу Кром пожаловался, что обещал съездить к шурину в Дьер, но вот беда: сломалась машина, что-то там такое с задним мостом.

— Не беспокойтесь,— ласково сказал Фюлеп Лайошка.— Мы с женой как раз собирались в субботу в Дьер на выставку текстильных машин. Отвезем и вас.

— Спасибо,— просиял начальник отдела.— Но скажите мне, только честно, почему вы так добры ко мне?

— Скажу вам прямо,— сурово молвил Фюлеп Лайошка.— Я просто люблю вас. Не как подчиненный начальника. А как человек человека.

Вскоре после поездки в Дьер Кром как-то пожаловался в столовой, что с ужасом думает, как ему одному управиться со своим участком на даче.

— Странный вы человек,— почти грубо сказал Фюлеп Лайошка,— скрытный. Почему вы до сих пор ничего не говорили мне о вашей даче? Да мы с сыновьями вам только спасибо скажем, если вы разрешите нам поработать на свежем воздухе. А то сидишь, сидишь целыми днями в конторе, спина уже стала как знак вопроса. А вы молчите.

— Огромное вам спасибо, милый Лайошка. Это будет просто великое дело для меня. Чем только я сумею отплатить вам?

— О какой благодарности вы говорите, шеф? Да это мы всей семьей должны быть вам благодарны.

Через месяц Крома перевели в другое учреждение. Он зашел за своими бумагами и столкнулся в коридоре со своим бывшим заместителем.

— Вот здорово, что мы встретились,— обрадовался Кром.— Я как раз хотел одолжить у вас электродрель на воскресенье.

— Электродрель? — задумчиво переспросил Фюлеп Лайошка.— Понимаете, инструмент это дорогой, и давать кому попало...

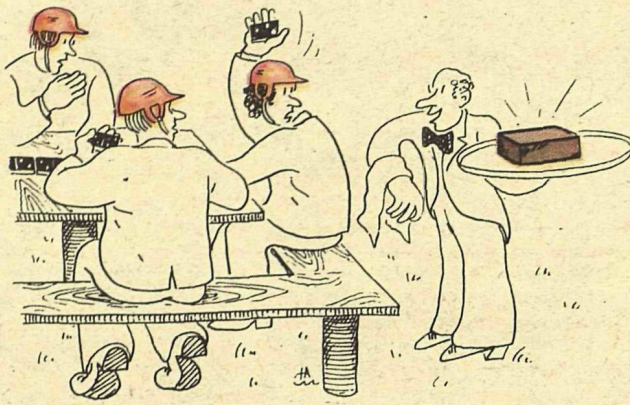
Перевела Е. ТУМАРКИНА.

Хозяйка поет в гостиной. Внезапно она останавливается и кричит горничной:

— Мари, не разрешайте собаке выть, когда я пою!

— Это не собака, мадам. Это мсье.

КРОКОДИЛКИ

— Кирпич заказывали?

Рисунок Н. МАЛОВА

Рисунок Л. ФИЛИППОВОЙ

— Я ты не вмешивайся в нашу личную жизнь

Рисунок Р. САМОЙЛОВА

Эй, дед!
Не стой
под стрелой!

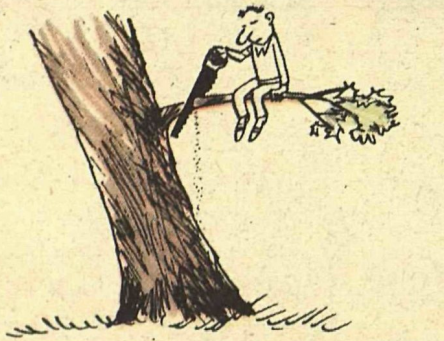

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Рисунок В. МОХОВА

«Рогач», Чехословакия.

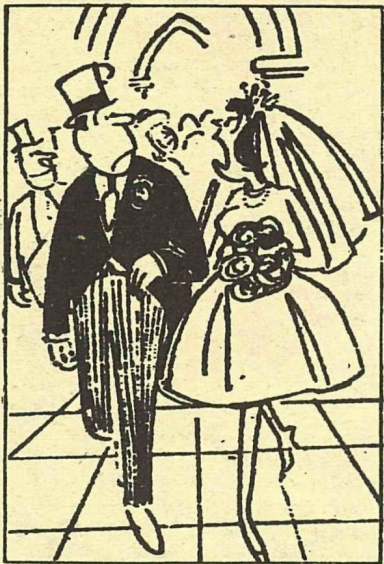
— Сходи на улицу и купи какую-нибудь газету, — сказал арабский нефтяной шейх своему сыну, как только они разместились в одном из самых дорогих отелей Копенгагена. Прошел целый час, прежде чем молодой человек возвратился в гостиницу.

— Почему так долго! — спросил отец.

— Все оказалось не так просто, — пожал плечами молодой человек. — «Берлингерен» и «Политикен» уже проданы, но я успел приобрести контрольный пакет акций «Информашон».

— Святой отец, мне кажется, я веду праведный образ жизни: не пью, не гуляю, не смотрю на женщин. Каждый вечер я ложусь спать в десять часов и каждое воскресенье хожу на мессу.

— Боюсь, сын мой, что все это изменится, как только ты выйдешь из тюрьмы.

— Ты почему сказал «да» так тихо? «Рир», Франция.

— В нашем городе настолько недисциплинированные водители, что когда автомобилям дается красный свет, для пешеходов зажигается не зеленый сигнал, а слова «Желаем удачи!».

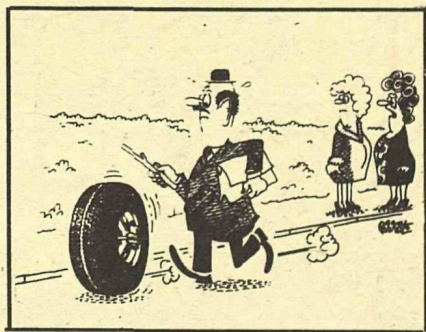
Хенриксен позвонил по телефону шефу и сказал, что у него ларингит и он не сможет прийти на работу.

— Если у вас ларингит, то почему вы не шепчете, а говорите так громко! — подозрительно спросил шеф.

— А с какой стати я должен шептаться! Я ведь не делаю из этого никакого секрета.

— За мной бегали многие мужчины, но такого настойчивого еще не было. «Арена», Югославия.

— Никак не привыкнет к тому, что у него отобрали водительские права...

«Пуркуа па?», Бельгия.

Слова, слова...

Историю делают те, кому не хватило в ней места.

Шутка шумерских историков.

В иные времена куда безопаснее знать свои обязанности, нежели права.

Приписывается римскому императору Нерону.

Грехи отпускаются в тару прихожан.

Католическая шутка.

Если вам не нравится ваш начальник, поставьте себя на его место.

Из американской книги «Идеальный менеджер».

Я расскажу вам маленькую историю об Исидоре. Правдивую историю! Исидор был владельцем аптеки, приносившей ему неплохой доход, человеком добросовестным и добропорядочным, примерным отцом и — нужно ли подчеркивать? — образцовым мужем. Но при всем этом он страшно не любил, когда его спрашивали, куда он ходил, зачем, что там делал. В подобных случаях он приходил в бешенство. Такой уж был у него характер.

Одним прекрасным летом они с женой решили провести недельку на острове Майорка. Все шло чудесно, если не считать беспрестанных вопросов жены, от которых Исидор молча бесился.

Живописный Авиньон очаровал обоих супругов. Средиземное море сверкало и переливалось, как на рекламном плакате. К ярости своей супруги, уже стоявшей на палубе парохода до Майорки, Исидор в последнюю минуту отправился купить какую-то газету. Возможно, он сделал это назло жене, которая, чуть он ступил в сторону, спросила, куда он идет... А Исидор никуда и не шел. Ему хотелось лишь побродить по пристани. Однако из духа противоречия он углубился во французскую газету, а когда поднял глаза, испуганный громким гудком, обнаружил, что если его жена, как и планировалось, держит курс на Майорку, то сам он находится не рядом с ней, а на каком-то грязном грузовом судне, переполненном громкоголосыми мужчинами в желтой форме. Исидор смотрел, как медленно удаляется берег. Вскоре он потерял сознание — то ли от страшной жары, то ли от удара в подбородок, которым его наградила французский сержант, — точно я не знаю. Знаю лишь, что в Иностранном легионе жизнь у аптекаря Исидора была куда труднее прежней.

О победе нечего было и думать. Военный форт, в котором находился Исидор, стоял посреди пустыни. Переписка не разрешалась. Франция воевала, пытаясь сохранить свои колонии, и Исидор попал в мир, который ему и не снился. Он забыл свою аптеку, как его товарищи — свое уголовное прошлое. Со временем он даже перестал скучать о родных местах. Поэтому, я думаю, лишь необыкновенной добропорядочностью с его стороны объяснялось то, что спустя много лет он появился как-то утром в калитке своего домика.

Он был бородатый, худой, с тропическим шлемом в руках. Само собой разумеется, на поясе его красовалась кобура с пистолетом. Было

воскресное утро. Исидор на мгновение замер в нерешительности. Но пятеро детей, все похожие на него, хотя и выросшие за семь лет, закричали издали: «Папочка!» Отступить было поздно, и Исидор вошел в садик, как настоящий мужчина, каким он стал в жестоких боях. Втайне он надеялся, что жена, если она дома, не спросит у него, где он был все эти годы. Он неторопливо брел по газону, будто возвращался, как обычно, из аптеки, а не из Африки и Индокитая.

Дети были в восторге, когда он разрешил им поиграть тропическим шлемом, а потом служанка принесла кофе, и атмосфера воцарилась совершенно идиллическая: воскресное утро, колокольный звон, именная торт — это был день рождения его жены. Ну разве мог Исидор пожелать чего-нибудь большего?

Вбежала жена и, не обращая внимания на служанку, бросилась на шею мужу.

— Исидор! — воскликнула она в необыкновенном волнении.

— Что? — нежно прошептал он.

— Исидор, где ты был так долго? — спросила она.

Он вздрогнул. Он забыл, что значило быть женатым мужчиной.

— Почему ты не написал мне ни одного письма? — продолжала жена.

Исидор отобрал у детей свой шлем, привычным движением водрузил себе на голову, выхватил (тоже, думаю, привычным движением) пистолет и всадил три пули в роскошный торт. Что было, как вы понимаете, самым настоящим свинством.

— О! Исидор! — завопила жена, разглядывая свое заляпанное взбитыми сливками платье. Впрочем, она тут же замолчала, потому что смотрела, как ее муж спокойно идет к калитке.

Через некоторое время бедная женщина подала иск о разводе, хотя и не без слез, но иного выхода не было. Поскольку Исидор в установленный законом срок знать о себе не дал, аптека была продана, и его жена вскоре вступила в законный брак. Подрастающие дети так и не узнали, где их папочка провел остаток своей земной жизни. От него ни разу не было ни письма, ни открытки. А их мать радовалась, что дети не задают вопросов, где папочка.

Лучше бы и она об этом никогда не спрашивала...

Перевел Л. ДЫМОВ.

«Сатердей ивнинг пост», США.

Молодая пара прожила несколько лет, но у них не было детей. Священник посоветовал супругу съездить в Рим и зажечь свечу в соборе святого Петра. Кто знает, сказал он, вдруг поможет...

Через несколько лет священник решил навестить супругов и узнать, как они живут. При входе в дом навстречу ему высыпало пять ребятишек мал мала меньше.

— А где ваша мамочка! — спросил священник.

— В родильном доме! — хором ответили малыши.

— А папочка!

— Он сказал, что едет в Рим, чтобы попытаться задуть эту проклятую свечку!

Наум Моисеевич ЛИСОГОРСКИЙ

(К 70-летию со дня рождения)

Яков КОСТЮКОВСКИЙ

А это три новые работы юбиляра. Альбом дружеских шаржей на писателей — участников Великой Отечественной войны готовит к выпуску издательство «Советский писатель».

Константин ВАНШЕНКИН

Владимир РУДНЫЙ

БОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИТЧИ

Недавно софийское издательство «Болгарский писатель» выпустило в свет книгу нашего друга, редактора «Стыршела» Христо ПЕЛИТЕВА «Осел господний». Содержание книжки — короткие забавные сказки, побасенки, выдержанные в атеистическом, а уж никак не в божественном духе.

Мы печатаем несколько притчей из этой книги.

НОВАЯ ЛЕГЕНДА

Однажды некий владыка задумал хитростью победить алабалийцев. Созвал лучших плотников и велел им сколотить из досок троянского коня. Потом приказал малярам покрасить коня в алый цвет. Его покрасили, и конь стал как настоящий. Тогда владыка упрятал в него подарок и послал алабалийскому императору.

Конь императору очень понравился, и он пожелал немедленно увидеть, что же спрятано внутри. Потайную дверцу открыли. Но из нее выскочили не воины, чтобы убить императора, а троянский осел. Он сначала испуганно взревел, но потом, успокоившись, стал мирно щипать траву на алабалийском дворе.

Так была спасена Алабалийская империя.

ПРО ИЕРИХОНСКУЮ ТРУБУ

Одно время бог вещал свои божьи истины через иерихонскую трубу. Она усиливала голос бога, и божественные истины достигали ушей даже тех, кто обычно был глух к святому слову. Из-за этого труба вообразила, что она гораздо сильнее, чем сама божественная сила. И сказала богу:

— Если бы не я, то никто бы не услышал слова божьего. А ведь люди молятся только тебе, славят лишь тебя одного. Обо мне же никто доброго слова не скажет.

Бог ничего не ответил, а просто снес хвастливую трубу в чулан, а себе взял другую.

Соскучившись от безделья в чулане, труба решила:

— Хватит! Теперь буду голосом, а не трубой. Труб, даже иерихонских, у бога всегда навалом.

И как задумала, так и сделала. А люди теперь говорят о крикунах: «Голос у него, как иерихонская труба».

ЗА ЧТО БЫЛ ИЗГНАН АДАМ

Некогда, много-много лет назад, бог пас овец. Адам тогда

еще не был изгнан из рая и часто дивился делам господним. Видит: куда бегут овцы — там и бог. Овцы бредут по лугу, и бог, как заведенный, тащится туда же. Спрячутся овцы в тень, задремлют, и бог тоже отдыхает.

Спрашивает Адам бога:

— Скажи, о боже, ты не раз провозглашал, что бог над всем и всеми. Почему же ты всегда ходишь за овцами, которые даже разговаривать с тобой не могут?

— Ну и что? — отвечает бог. — Говорю я, а они слушают.

— Тогда объясни мне, почему не бог пасет овец, а безмозглые овцы пасут бога?

— Ты задаешь правильный вопрос, Адам, — согласился бог. И изгнал его из рая.

ОСЕЛ ГОСПОДНИЙ

В далекие годы, когда бог еще не успел состариться, он частенько объезжал мир на ослике. Много ослов имел бог, но изо всех полюбил именно этого. И не за то, что тот хорошо и быстро вез его, а за его добрые мысли и слова.

Когда господь чесал ослика, тот говорил:

— Хорошо чешешь, господи!

А когда бог запрягал его в коляску, он восхищенно восклицал:

— Прекрасно впрягаешь, господи!

И сам без принуждений протискивался меж оглоблей, охотно надевал хомут.

Когда бог, взгромоздясь на повозку, катил по миру, то осел, повернув шею и скосив глаза, приговаривал:

— Ей-ей, никогда не возил такой легкой поклажи, как ты, боже!

Вот за эти прекрасные мысли и слова полюбил бог нашего ослика. Но когда вернулся из путешествия, то все же велел своим апостолам впредь запрягать в его повозку верблюда. Тот не был таким сладкозвучным, как осел, зато прекрасно ходил в упряжи и не докучал богу своей болтовней.

Перевел М. СЕМЕНОВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

НАШ АДРЕС:

101455,
МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, Е. Гуров, Р. Друнман, В. Левонию, Н. Лисогорский, Н. Малов, Е. Милутна, В. Мохов, Р. Самойлов, В. Соловьев, Ю. Черепанов.

Технический редактор В. Г. МОЧАЛОВ. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 06.08.80. Подписано к печати 14.08.80. А 06635. Формат бумаги 70×108¹/₂. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2.80. Уч.-изд. л. 4.54. Тираж 5 820 000 экз. (1-й завод: 1—3 670 902). Изд. № 2038. Заказ № 2804.

© Издательство «Правда». «Крокодил». 1980 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

НАРКОМАН

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Цена номера 20 коп. Индекс 70448